

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Непотопляемый

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский
Непотопляемый

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Непотопляемый / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Марш Турецкого)

В тихом столичном районе произошло ЧП: возле подъезда своего дома убит старший следователь Мосгорпрокуратуры Николай Познеев. Его коллеги приходят к чересчур скоропалительному выводу, связывая преступление с профессиональной деятельностью жертвы... Но дело о гибели Познеева попадает в Генеральную прокуратуру, непосредственно к Александру Борисовичу Турецкому. У следственно-оперативной бригады возникают сразу три версии произошедшего...

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

1	5
2	10
3	15
4	21
5	27
6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

1

Этот теплый и хмурый осенний день в Московской городской прокуратуре выдался на редкость спокойным, лишенным сколько-нибудь заметных и значимых событий. Во всяком случае, для «важняка» Николая Петровича Познеева.

Время близилось уже к семи часам вечера, когда он захлопнул пухлую папку, на корешке которой значилось одно-единственное слово – «Башкир», постороннему человеку ни о чем не говорящее, и, убрав ее в сейф, некоторое время посидел еще за столом, задумчиво глядя в быстро наполнявшееся сумеречной тьмой окно. Настроение следователя этой тьме вполне соответствовало: накануне дело Башкира – в миру Иванова Юрия Григорьевича, по убеждению Познеева, отпетого бандита и убийцы – благополучно развалилось в суде. Присяжные, чтоб их так...

Николай Петрович зло усмехнулся, припомнив все перипетии следствия: Иванов обвинялся в убийстве двоих граждан Болгарии в одном из московских ресторанов, и, передавая дело в суд, «важняк» был вполне уверен, что доказательств причастности Башкира к преступлению, пусть и косвенных, но вполне очевидных для вынесения обвинительного приговора, более чем достаточно. К этому добавлялись и зафиксированные угрозы Иванова и его адвоката Шамина в адрес Познеева в процессе расследования... Увы! Приходилось признать: в данном случае Николая Петровича постигла редкая для него неудача.

Однако старший следователь по особо важным делам Познеев был отнюдь не из тех, кого легко заставить признать себя побежденным – равно как и запугать. И сегодня, вместо того чтобы отправить дело Башкира в архив, на что имелись все основания, он всю вторую половину дня посвятил анализу оставшегося позади следственного процесса в поисках роковой ошибки, обернувшейся тем, что Иванов вопреки всем его усилиям остался на свободе. В данный момент Николаю Петровичу казалось, что упомянутую ошибку он, пусть и приблизительно, «нащупал». И, решив продолжить свой анализ завтра с утра, следователь засобирился, наконец, домой – в Матвеевское. В тот момент, когда он поднялся из-за стола, в дверь кабинета постучали и на пороге тут же возник его друг и коллега Аркаша Лайнер.

– Ты еще тут? – Аркадий посмотрел на приятеля неодобрительно и покачал головой. – И как только твоя Маринка терпит такого трудоголика, как ты?

Данный вопрос Аркадия Ильича действительно интересовал, поскольку его собственная супруга относилась к категории куда менее терпеливых жен и ушла от мужа еще два года назад. Познеев в ответ промолчал, слегка пожав плечами, а Аркадий Ильич продолжил:

– Все еще переживаешь из-за Башкира? Плюнь, Коля!.. Не сейчас, так в следующий раз попадетсЯ по полной программе.

– Ага... – хмуро кивнул Познеев. – Успев угробить еще пару-тройку человек!

– Ничего не поделаешь, се ля ви, – философски изрек Лайнер. – Не впадать же из-за этого в депрессию. Жизни надо уметь радоваться в любом случае!

– Неужели? – Познеев слегка улыбнулся и с интересом посмотрел на друга. – И чему же ты предлагаешь мне радоваться в данной ситуации?

– Как – чему? Например тому, что сегодня дежурю я, а не ты, а с моим везением именно мне наверняка предстоит выезд на какой-нибудь очередной трупешник! Радуйся и тому, что у меня целых четыре «висяка» в запасе, а у тебя и одного не имеется... Словом, радуйся!..

– Ага! – усмехнулся Николай. – Ты, смотрю, хорошо знаешь классику: еще Антоша Чехонте предлагал радоваться тому, что у тебя грипп, а, скажем, не холера или там чума... Ладно, Аркаша, я, пожалуй, и впрямь двину домой, а тебе – легкого дежурства!

– Дай-то бог! – вздохнул Лайнер, выходя вслед за Познеевым из кабинета и надеясь, что Всевышний его и впрямь услышит.

Колька Мишин, долговязый и белобрысый десятиклассник, раз и навсегда заклеянный собственной мамашей растяпой и бездельником, с недовольным видом посмотрел на дешевые часы, украшавшие его мосластое запястье, и, сердито пнув запертую дверь собственной квартиры, поплелся вниз по лестнице.

То, что ключ он снова потерял, в очередной раз подтвердив тем самым мнение о нем матери, Колян обнаружил еще около часа назад. Нельзя сказать, чтобы его так уж сильно тянуло домой – напротив! Обычно, для того чтобы как можно позже туда заявляться, годился любой предлог. Но сегодня по ящику должны были показывать крайне интересующий Кольку футбольный матч, а напроситься в гости к кому-нибудь из дружков ему не удалось. Родители приятелей, словно сговорившись, надумали одновременно «подтянуть гайки» и ввели по отношению к своим чадам строгий режим...

Выйдя из подъезда, он с тоской огляделся по сторонам, прикидывая, куда бы все же податься на оставшиеся до прихода матери полчаса. Выходило – и впрямь некуда. И, сердито сплюнув, Колян потащился в тощий скверик, темневший напротив их панельной пятиэтажки: там хотя бы имелись скамейки, на одну из которых, расположенную очень удобно для наблюдения за подъездом, можно присесть. Что он и сделал, поплотнее закутавшись в свою довольно поношенную куртку. Если мать вернется в обычное время, по крайней мере второй тайм он точно успеет посмотреть.

Чтобы не соскучиться, Колян придумал себе занятие: считать соседей, входящих в подъезд и выходящих, а потом посчитать, кого больше и на сколько. Конечно, занятие не самое веселое, возможно, и вовсе глупое, но чем-то ведь надо заняться, чтобы время шло быстрее, а главное, чтобы не пропустить мать?..

Еще раз поглядев на часы и тяжело вздохнув, он сосредоточенно уставился на подъезд и неожиданно обнаружил несколько более интересный объект для наблюдений, чем входящие и выходящие соседи, знал которых, как облупленных, с детства. Возле дома, заслонив от Коляна правые окна первого этажа, затормозила нарядная серебристая иномарка. В их рабочем микрорайоне такие машины и по сей день были редкостью: на парковке возле первого подъезда стояли два давно состарившихся «жигуленка» и сорок первый «Москвич» с проржавевшим бампером – ничего интересного... Хотелось бы знать, к кому в таком случае наведася эта «каре́та». Колька даже прищурился изо всех сил, пытаясь разглядеть марку машины, но света, падавшего от тусклой лампочки над подъездом и постепенно загоравшихся окон дома, оказалось для этого недостаточно.

Между тем из неизвестной машины через пассажирскую дверцу вылез какой-то мужик в заурядной серой куртке, с обычным продуктовым пакетом в руках и направился непосредственно к Колькиному подъезду. Это к кому ж такие важные гости приезжают?.. Колька Мишин совсем, было, решил прогуляться просто так до своей квартиры еще раз и поглядеть, к кому приехал мужик, но не успел: гость вышел из подъезда так же быстро, как и вошел, видимо, знал код подъезда двери, и вернулся в машину.

«Ага, – подумал Колян, – значит, к кому-то на первом этаже, кого еще с работы нет...» Теперь у него появилась более интересная цель для наблюдения, поскольку иномарка никуда не уехала, а просто сдала назад и замерла в противоположном конце дома.

Парень поежился на своей скамейке: осенний холод все-таки забрался под его тощую куртку. Однако внимания своего Колян ничуть не ослабил.

В этот момент дверь подъезда открылась и вслед за своей беспородной, лохматой, как медведь, псиной на улицу выскочила Ирина Петровна с третьего этажа. Колька, увидев соседку, нахмурился: небось припрется сейчас сюда со своей жучкой, увидит его, а потом матери наступит, что он по ночам по скверам шляется... К счастью, Ирина Петровна направилась в другую

сторону, туда, где находился местный универсам: видать, забыла чего-нибудь купить к ужину, она вечно все забывает, кроме того, о чем можно потом посплетничать!

Коля Мишин снова поежился, вновь посмотрел на иномарку, потом опять на свой подъезд, к которому в этот момент как раз подходил еще один их сосед – его Колян слегка побаивался, а остальные жильцы дружно и безапелляционно уважали: Николай Петрович Познеев жил на четвертом этаже и работал самым главным, как говорила мать, следователем в Московской прокуратуре... Для Кольки это было все равно что работать ментом, которых он и его дружки старались обходить стороной, твердо зная, что от этой породы можно ждать в любой момент любой неприятности... Но вообще-то следовало признать: Колькин тезка Николай Петрович был вполне «нормальным мужиком»: никаких замечаний парням никогда не делал, даже если заставлял их всей кучей стоящими в подъезде... И в ответ на дружное «Здрась-с-сте!» отвечал в таких случаях с улыбкой... Кроме того, и железную дверь в подъезде, и кодовый замок, единственный на весь дом, Познеев, говорят, почти полностью поставил на свои деньги.

Колька Мишин еще раз взглянул на следователя, как раз в этот момент набиравшего на замке код, и это было последнее, что он увидел, перед тем как на какое-то жуткое мгновение ослепнуть и оглохнуть одновременно... Это потом, спустя неизвестно сколько минут, он понял, что прогремел взрыв, а в первые секунды автоматически вскочил со скамейки и стоял, как последний дурак, столбом, крепко зажмурив глаза. Когда открыл их, сразу увидел и развороченную дверь подъезда, упавшую на землю, и лежавшего рядом с ней на спине, с раскинутыми руками Познеева, и выбитые стекла Кирилловых с первого этажа. И сам не зная почему, Колька вначале подпрыгнул на месте, а потом бросился к Николаю Петровичу, уже не видя, как в выбитых окнах замелькали лица соседей, не слыша, как надсадно кричит кто-то из женщин: «Уби-и-и-или!.. Ой, мамочки, уби-и-и-и...»

То, что он увидел, достигнув в несколько прыжков подъезда, Колька Мишин не забудет никогда.

Николай Петрович Познеев лежал неподвижно, с широко открытыми глазами, смотревшими в звездное, уже ночное небо, а горла и груди у него больше не было – вместо них Колько увидел сплошное кроваво-черное месиво... И он зачем-то встал рядом с телом следователя на колени и, тихонечко подвывая, позвал: «Дядь Коль, а, дядь Коль...» Хотя и законченному кретину было бы ясно, что Николай Петрович Познеев – мертв.

Потом откуда-то появилась мать и еще куча людей, и Колька только на следующий день понял, что, приди мать с работы вовремя, он наверняка остался бы сиротой... В одном легком халатике вылетела из подъезда с совершенно безумным лицом жена Познеева Марина, которую кто-то из женщин тут же силой увел назад. А потом – потом, кажется, прошла целая вечность, прежде чем тишину спального района Матвеевское разорвал вой милицейской сирены...

Кто-то о чем-то спрашивал Кольку, а он отвечал. Наконец, мать увела его домой и, впервые впервое с далеких, как казалось ему самому, детских лет, сама сияла с него и куртку, и ботинки и, словно больного, повела, обняв, на кухню, налила чай и стала поить им с ложечки, как маленького... К тому моменту, как в дверь настойчиво и длинно позвонили, Колька наконец пришел в себя и начал понемногу осознавать действительность.

Поначалу он расслышал, как в прихожей разговаривают какой-то мужчина и его мать. Мужчина – негромко и неразборчиво, мать – громко и сердито.

– Говорю вам, Коля в шоке! И потом, он уже все сказал, он ничего не видел, кроме... кроме взрыва...

– Анна Васильевна, – мужчина заговорил чуть громче, – я все понимаю, но очень вас прошу: мне необходимо задать мальчику всего пару вопросов именно сейчас, по горячим следам... Ваша соседка Ирина Петровна утверждает, что видела Колю незадолго до взрыва, когда выходила в магазин за хлебом, в сквере напротив дома... Возможно, он что-то заметил... Что-то, имеющее значение, важное!

– Мам! – хрипло откликнулся Колян, перед глазами которого вдруг словно сама по себе возникла серебристая иномарка. – Мам, пускай войдет!..

Анна Васильевна молча сдалась. И через минуту в их тесной кухоньке стало еще теснее. На Кольку смотрел сквозь толстые очки очень бледный черноволосый мужчина, худой, но необычайно высокий, на лице которого застыло выражение то ли усталости, то ли и вовсе муки.

– Здравствуй, Николай, – мужчина говорил как будто с трудом. – Спасибо, что согласился поговорить со мной... Меня зовут Аркадий Ильич Лайнер, я следователь Московской городской прокуратуры...

И, помолчав совсем немного, добавил:

– Коля Познеев был мне не только коллегой, но и самым близким другом...

На кухне повисла тишина. Потом Анна Васильевна вздохнула, пододвинула молча следователю стул и достала еще одну чашку.

– Спасибо, – пробормотал тот и, сложившись почти вдвое, сел напротив Коляна. Потом медленно достал из папки, зажатой у него в руках, какой-то бланк и ручку и как-то незаметно, пока мать наливала ему чай, начал расспрашивать.

– Это правда, что ты был в сквере напротив дома, или соседка ошиблась?

– Правда, – кивнул тот и, выдавив из себя улыбку, пояснил: – Она никогда не ошибается... Я ключ потерял, ну, и ждал, пока мать с работы придет...

– Значит, довольно часто смотрел на подъезд?

– Ну... Почти все время смотрел... Из-за футбола... А тут эта машина и приехала.

– Какая машина? – Лайнер перестал писать и поднял глаза на Кольку. Глаза были красные, все в прожилках, словно следователь не спал несколько ночей подряд.

– Иномарка, – поспешно сказал Колян. – У нас тут ни у кого таких нет, одно старье на стоянке, сами, наверное, видели...

– Сможешь описать поподробнее?

– Нет, наверное, – вздохнул тот. – Я марку издала не разглядел, только цвет, серебристый такой, он еще «металлик» называется... Ну, поначалу она у подъезда нашего встала, под окнами четвертой квартиры... У нас все наоборот, первые номера в последнем подъезде... А потом из нее дядька с пакетом вышел – такой... Обыкновенный...

– Он входил в подъезд?

Колька кивнул:

– Ненадолго... Я подумал, что в гости к кому-нибудь приехал, не сообразил вначале, только удивился, что вошел с пакетом, а потом вышел уже без пакета... Я только что понял, что без пакета... Это он дядю Колю взорвал?..

Следователь на Кошкин вопрос не ответил, а задал свой:

– Ты его хоть немного разглядел? Сможешь описать?

Парень ненадолго задумался, пытаясь вернуться мысленно к тому моменту, когда незнакомец неожиданно вернулся обратно. Описать... Ну, как опишешь, если харя у него самая обычная?! А разглядеть он его, конечно, разглядел, если так хорошо помнит... На него, когда он выходил, как раз лампочка светила, только что зажглась над подъездом.

– Не знаю, – смущенно произнес он. – Обыкновенный такой мужик... Кепарь почти до глаз надвинут, куртка серая, нос... такой... обыкновенный... Я его, если б еще раз увидеть, узнал бы!

– Что – так хорошо разглядел? – в голосе Аркадия Ильича мелькнуло явное недоверие. И Колян обиделся:

– Когда он выходил, под козырьком лампочка как раз горела, я и разглядел!

Следователь немного помолчал, потом вздохнул:

– Куда он потом пошел?

– Никуда, – пожал плечами Колька. – Обратно в машину залез, а потом они отъехали к крайнему подъезду... Я думал, решили ждать кого-то, кто еще с работы не пришел...

– Они и ждали, судя по всему, – с горечью выдохнул Лайнер и, отодвинув протокол, достал из кармана мобильный, быстро набрал какой-то номер. Ответили ему сразу.

– Валера, – негромко произнес следователь, – возьми эксперта, пошуруйте возле первого... То есть, наоборот, последнего подъезда, там должны быть свежие следы от машины, иномарки... Ну да, если еще не затоптали... Я понимаю, что земля сухая... Да, на всякий случай!

Он отключил связь и снова взялся за ручку.

– Давай все же попробуем описать мужчину с пакетом... Скажем, начни с его роста: какой он на твой взгляд – высокий, низкий, средний?..

Колян сосредоточенно сдвинул брови, в очередной раз восстанавливая в памяти момент, когда незнакомец вышел из их подъезда.

– Коротышка он! – произнес парень секундой спустя – с изрядной долей уверенности.

– Коротышка?

– Ага... И немного толстый, – добавил Колян, припомнив широкие плечи этого типа и приземистую фигуру.

Лайнер вздохнул и сделал последнюю попытку:

– А лицо – как думаешь, круглое или узкое?

– Круглое, наверное, хотя и не очень...

– Ладно, Николай, на этом пока и остановимся. Прочти, пожалуйста, протокол, потом, если все правильно, на каждой странице напиши: «С моих слов записано верно», а рядом подпись свою поставь... Спасибо вам, Анна Васильевна, за чай... Ничего, если я вашего сына приглашу на завтра в любое удобное для него время в прокуратуру? Хочу показать ему кое-какие снимки, вдруг узнает здешнего гостя?

Анна Васильевна Мишина, все это время просидевшая молча и только переводившая встревоженный взгляд со следователя на сына, покачала головой.

– Колька еще ребенок, хоть и мнит себя взрослым! – сердито произнесла она. – Это же наверняка опасно – вдруг бандиты и его... и с ним...

– Еще чего! – возмутился Колян. А Лайнер незаметно тронул его за руку и возразил матери сам.

– И думать ни о чем таком не смейте, – твердо произнес он. – У нас, конечно, нет программы защиты свидетелей, как на Западе, но есть зато тайна следствия: о том, что ваш сын – важный свидетель, ни одна душа от нас не узнает – разве что вы сами кому-нибудь проговоритесь...

– Я что же, по-вашему, враг своему сыну?! – вспыхнула Анна Васильевна. И уже более миролюбиво добавила: – Ладно, пускай идет после уроков, только скажите куда... Все равно часами по улицам шляется без дела.

2

Рано утром в кабинете прокурора города, советника юстиции второго класса Гавриила Михайловича Афонина было тесно, накурено и, несмотря на большое количество собравшихся здесь мужчин, тихо. За все время совещания, которое в данный момент подходило к концу, до зарева секретарши прокурора, понуро сидевшей в приемной за выключенным монитором компьютера, не донеслось из-за двери начальника ни звука...

Гавриил Михайлович в очередной раз оглядел бледные и хмурые после тяжелой ночи лица мужчин, заполнивших его кабинет. Один из них, оперуполномоченный МУРа Олег Гнедич, выезжавший со своими коллегами на место трагедии, только что завершил свой доклад и теперь, расслабленно ссутулившись, молча, как и остальные, сидел на стуле прямо напротив Афонина. Гнедич докладывался последним, и, после того как он умолк, всем присутствующим стало окончательно ясно, что раскрыть убийство коллеги по горячим следам вряд ли удастся. Ясно это было и прокурору.

Взяв паузу, он мысленно привычно подвел итоги совещания, как делал всегда, прежде чем озвучить перед подчиненными свои выводы.

Единственное, что удалось установить с абсолютной достоверностью выехавшим на место экспертам, был факт для опытного следователя и без того почти очевидный: в тот момент, когда Познеев открыл металлическую дверь своего подъезда, в тамбуре, отделявшем ее от следующей, деревянной двери, было приведено в действие самодельное радиоуправляемое взрывное устройство, мощностью приблизительно пятьсот граммов в тротиловом эквиваленте, убившее Николая Петровича.

Исходя из показаний не слишком надежного на взгляд прокурора, но, увы, вновь единственного свидетеля – шестнадцатилетнего подростка Мишина, можно было предположить, что киллеры подъехали к дому примерно за полчаса до появления Познеева на иномарке цвета «металлик». «Адская машина» была доставлена в подъезд одним из них в обычном пластиковом пакете и приведена в действие убийцами из салона машины.

Еще один из свидетелей, жильцов подъезда, возвращавшийся в этот момент с работы, но, к счастью, не успевший подойти к дому близко, не слишком уверенно утверждал, что вроде бы тоже видел «какую-то серебристую иномарку», сорвавшуюся с места и скрывшуюся за противоположным углом дома, как ему показалось, в момент взрыва. Или почти в момент взрыва... Полной уверенности у него, однако, не было по вполне понятным причинам – внимание мужчины тут же переключилось на сам взрыв. О машине он и вовсе не вспомнил бы, если б не вопрос, заданный ему Олегом Гнедичем.

Опрос остальных соседей и продавцов ближайшего к дому супермаркета, в котором, как выяснилось, успел побывать Познеев, прежде чем направиться домой, ничего существенного для следствия не дал вообще. Жена Николая Марина, с которой Аркадий Лайнер после визита к Мишиным провел остаток ночи, по его словам, и по сей момент разговаривать о случившемся более-менее осмысленно была не в состоянии. В прокуратуру Лайнер приехал утром, предварительно вызвав к Марине ее мать и отведя к соседке трехлетнего сынишку Познеевых Андрейку...

– Кроме того, Гавриил Михайлович, – вздохнул Аркадий, – я почти уверен, что опрос Маринки нам ничего не даст. Коля ее в свои рабочие дела не посвящал принципиально... У них было что-то вроде семейного правила – дома о работе ни слова... И уж точно она не знала об угрозах Николаю Башкира и его шайки. С какой стати он стал бы волновать жену? Колька ее берег...

Пауза в кабинете прокурора затянулась. Афонин вздохнул и еще раз оглядел усталые лица оперативников.

– К сожалению, – заговорил он наконец, – несмотря на то что все оперативно-следственные мероприятия на месте происшествия проведены вами грамотно, похвастаться нам на данный момент нечем... Аркадий Ильич, насколько можно доверять мальчику?

– Я бы сказал – можно, – коротко ответил Лайнер.

– Каковы перспективы составить с его помощью фоторобот киллера?

Аркадий на секунду заколебался:

– Во всяком случае, я намерен попытаться это сделать: парень утверждает, что сумеет его узнать, если увидит еще раз. Возможно, интересующая нас физиономия имеется в архиве. Нет – значит, только фоторобот и останется... Гнедич на всякий случай договорился в экспертно-криминалистическом отделе у себя в ГУВД.

– Добро, – сдержанно кивнул Афонин. – Пока все свободны, идите отдыхайте, а ты, Аркадий, останься...

Переживая, когда все выезжавшие нынешней ночью на место гибели его друга и коллеги покинут кабинет прокурора, Лайнер в очередной раз почувствовал навалившуюся на него усталость. Кофейку бы сейчас...

И словно услышав мысли своего подчиненного, Гавриил Михайлович нажал клавишу селектора:

– Оля, сваргань две чашки кофе, покрепче...

Лайнер на мгновение прикрыл глаза, которые резало так, словно кто-то швырнул ему в лицо пригоршню песка, и тут же открыл их, слегка вздрогнув: не получалось у него отвлечься ни от чего, а прежде всего – отогнать от себя маячившее перед мысленным взором Колькино развороченное тело, его неправдоподобно спокойное лицо, чудом не тронутое взрывом... Не получалось!

– Что, Маринка очень плоха?... – Голос Афонина заставил его снова еле заметно вздрогнуть, но отреагировал на вопрос прокурора сразу, молча кивнув. И больше они не обменялись ни с ловом, пока притихшая Ольга, секретарь Гавриила Михайловича, не принесла кофе и не исчезла вновь за дверью кабинета.

– Надеюсь, ты понимаешь, что дело придется вести тебе? – Прокурор слегка отхлебнул из своей чашки и поставил ее на место: напиток показался ему слишком горячим.

Лайнер понимал совсем другое: разговор, который начал с ним сейчас шеф, предстоит тяжелый. Куда более тяжелый, чем тот думает... Он тоже сделал пару глотков кофе, не почувствовав его обжигающей горечи, и только после этого заговорил:

– Гавриил Михайлович, я... не могу! – И, стараясь не смотреть в вытянувшееся от изумления лицо прокурора, торопливо продолжил: – Я всю ночь и все утро думал, поскольку предполагал, что вы примете такое решение, и понял, что не могу!

– Ты что же – предлагаешь отдать ТАКОЕ расследование кому-то из наших «младенцев»? Да ты ж его лучшим другом был, кому, как не тебе... Или я ошибаюсь – насчет друга?

– Именно потому, что не ошибаетесь! – упрямо повторил Лайнер. – И я сейчас все поясню... Гавриил Михайлович, я возьмусь за расследование, только если вы заберете у меня по крайней мере те три дела, которые на контроле в Администрации Президента... Вы ведь их не заберете, верно?... Там еще работы – море, сами знаете...

Афонин знал. И точно так же знал о том, что после гибели Познеева передавать упомянутые Аркадием дела просто-напросто некому... Гибель его пришлась на момент, тяжелый для прокуратуры – момент, который «старички» называли сменой состава. Собственно говоря, упомянутых «старичков» до вчерашней ночи у Гавриила Михайловича и было-то всего двое: погибший Николай и сидевший сейчас перед ним с вымороченной от усталости и потрясения физиономией Аркадий. Отсюда и их немыслимая с профессиональной точки зрения перегруженность «особо важными».

И прокурор, и Лайнер понимали, что дела Познеева по преимуществу тоже достанутся и без того перегруженному Лайнеру...

– И что же ты мне предлагаешь? – автоматически повторил Афонин, мысленно перебирая в памяти остальных своих «важняков». Все сплошь – молодые, опыта с гулькин нос, один и вовсе только что после института... Надолго ли осел у них, при нынешних-то зарплатах? Вряд ли проработает дольше, чем его предшественники!..

– Наши вряд ли потянут, – озвучил мысль шефа Лайнер. – А жить спокойно, если мы этих сук, убивших Кольку, не изловим, лично я...

– Так что ты предлагаешь? – повторил вопрос Афонин, начиная раздражаться и уже догадываясь, что именно сейчас скажет Аркадий.

– Генпрокуратуру, – произнес тот. И, не дав шефу возразить, торопливо добавил: – Да знаю я, что по «протоколу» дело это наше, но вы же, Гавриил Михайлович, дружите с Меркуловым! Поговорите с ним, объясните...

– Щас!.. – сердито уставился на Лайнера прокурор. – А то у Генеральной своих дел мало! И откуда это ты узнал, что я с Костей... Константином Дмитриевичем дружу?!

Аркадий пожал плечами и слабо улыбнулся:

– Так ведь правда же... Поговорите с ним, Гавриил Михайлович, в конце концов, попытка – не пытка. А если уж откажут – тогда и будем думать, кому мои те три дела передать...

– И думать не моги! – рявкнул Афонин. – Я это насчет «передать»!.. Ты что – надумал меня должности лишить?!

– Боже упаси, – мотнул головой Аркадий, и прокурор посмотрел на своего лучшего, а теперь и вовсе единственного, лучшего из лучших «важняка» с подозрением: не издевается ли? С него станется!.. Но Лайнер смотрел в глаза шефа с абсолютно серьезным и честным видом.

– Ладно, катись спать, – буркнул Гавриил Михайлович. – Я позвоню, когда приму решение...

– Спасибо, – негромко поблагодарил Аркадий и, поднявшись, направился к дверям кабинета. Но на пороге обернулся:

– Вы скажите Константину Дмитриевичу, что в любом случае я в его распоряжении по любому вопросу, который возникнет в ходе расследования... И в любой момент...

– Я еще ничего не решил! – сердито произнес Афонин, но Лайнера в кабинете уже не было.

В первое за весь ноябрь ясное и прохладное утро Константин Дмитриевич Меркулов, заместитель Генерального прокурора России по следствию, пребывал в одном из самых благодатных своих настроений: во-первых, только что было передано в суд дело о покушении на главу «Россвияжэнерго»¹ – точнее, та его часть, которой занималась Генпрокуратура. Во-вторых, наиболее неприятная, вторая половина расследования, связанная уже с гибелью Мансурова, благополучно – с его точки зрения – отправилась к следователям ФСБ: туда, где ей и полагалось находиться в соответствии с юрисдикцией. Единственное, что несколько омрачало состояние духа Меркулова, было то обстоятельство, что Саша Турецкий, его старый друг и подчиненный, занимавшийся покушениями и гибелью Мансурова вплоть до недавнего времени, его радости явно не разделял.

– Ну чего ты киснешь? – поинтересовался Костя, бросив взгляд на хмурую физиономию Турецкого. – Баба с возу – кобыле легче... У тебя что – работы мало?

– Дело не в работе, а в самой кобыле, – огрызнулся Александр Борисович, сидевший в расслабленной позе на небольшом кожаном диване, украшавшем кабинет Меркулова. – Какой смысл облегчать ей воз после того, как она уже успела втащить его на гору?

¹ См. роман Ф. Незнанского «Волга впадает в Гудзон».

– Предлагаю, Саня, перейти с эзопова языка на нормальный русский, – хмыкнул Меркулов.

– Это на родной матерок, что ли? С удовольствием!.. – впервые за весь разговор оживился Турецкий. Но осуществить пришедшуюся кстати идею не успел: на столе Константина Дмитриевича зазвонил городской телефон, номер которого знали не так уж много людей – в основном их коллеги.

Меркулов поднял трубку, одновременно погрозив Турецкому пальцем, и сосредоточился на звонке.

– Костя? Привет, Афонин беспокоит...

Константин Дмитриевич моментально посерьезнел, словно кто-то смахнул с его лица улыбку вместе со спокойствием. Свой рабочий день заместитель Генпрокурора уже много лет подряд начинал с чтения сводок – как по России, так и по Москве. И о несчастье, постигшем горпрокуратуру, уже знал.

– Здравствуй, прими мои соболезнования, – произнес он. – Я немного знал Познеева, отличный был сыщик и, насколько слышал, уникально честный мужик...

– За то и угробили, – вздохнул Афонин. – И звоню я тебе тоже поэтому... Мне нужна помощь.

– Все, что в моих силах... Погоди минуту. – Он прикрыл рукой микрофон и посмотрел на поднявшегося с дивана Турецкого, явно намеревавшегося покинуть кабинет шефа. – Ты куда?.. Сядь и подожди!..

Александр Борисович, отлично знающий, чем именно чаще всего завершаются звонки такого рода, сопровождающиеся со стороны Кости подобными заверениями, скорчил недовольную гримасу и вернулся на место. И сев снова на диван, завел глаза к потолку: все дальнейшее он вполне мог предсказать, не будучи ясновидящим, и теперь уныло поинтересовался мысленно у своей судьбы, за что ему такое «везение» – постоянно оказываться в ненужном месте в ненужный момент?..

К разговору Кости с его невидимым абонентом он не прислушивался, тем более что и тут догадливость его тоже не подвела: утренние московские сводки Александр Борисович тоже читал и готов был держать пари, что по ту сторону провода находится либо сам Афонин, либо его заместитель... Скорее всего все-таки Гавриил Михайлович, с которым Турецкий несколько раз сталкивался в доме Меркуловых.

– ...Все, Гавриил, он тебе позвонит, – уловил завершение телефонного разговора Саша и тут же задал вопрос, в сущности, риторический:

– Кто это «он»?..

– «Он» – это ты, – спокойно ответил ему шеф. – Вижу, ты догадался, в чем дело... И правильно догадался! У Афонины действительно нет людей, способных с этим справиться. Одна молодежь...

– А Лайнер?

– Перегружен сверх всякой меры!.. Саня, речь идет об убийстве нашего коллеги, нашего товарища... Что это с тобой? К тому же Лайнер в любой момент будет в твоём распоряжении... Не ты ли минуту назад, сидючи на этом месте, горевал о том, что у тебя, видите ли, чуть ли не силой отняли расследование?!

– Я не об этом горевал! Почему ты нацелился именно на меня? У нас-то людей, причем высокопрофессиональных, в отличие от «города», хватает! И вообще, я в отпуске полтора года не был, моя Ирка...

– А я в отпуске не был три года! – сердито оборвал его Меркулов. – И что?..

– Один-ноль в твою пользу, – вздохнул Турецкий. – Я же не отказываюсь, просто напоминаю, что я – не единственный твой сотрудник и сейф у меня не резиновый, а в сутках всего двадцать четыре часа.

– В нынешних уже двадцать три – минус тот час, который ты провел в моем кабинете, ноя и препираясь, – усмехнулся Меркулов. – А теперь отвечу на все твои вопросы коротко и сразу: ты, конечно, не единственный мой сотрудник, зато единственный в своем роде! Познеев был лучшим «важняком» у Афонины, а у меня лучший...

– Ой, не надо, только не льсти мне, – замахал руками Сан Борисович. – Тем более после того, как вопрос решен... Учти: опергруппу буду формировать по своему усмотрению!

– Иными словами, возьмешь в полном составе предыдущую, – усмехнулся вновь расслабившийся Меркулов. – Да на здоровье!

– Нет, кое-кого поменяю.

– Не забудь заручиться поддержкой своего Славы Грязнова, я тут случайно узнал, что вашего общего любимца Володю Яковлева он намылился в командировку послать.

– Ни в коем случае! Яковлев мне точно понадобится – так же, как и Галя Романова.

– У тебя всегда было чутье на лучших оперов, – снова улыбнулся Константин Дмитриевич.

Но Сан Борисыч его уже не слушал, поспешно набирая номер на своем мобильном, извлеченном им откуда-то со скоростью и ловкостью фокусника.

– Ты, Славка? – Голос Турецкого был бодр и почти весел, словно и не он несколько минут назад ворчал на жизнь вообще и собственную судьбу в частности, в этом же кабинете. – Ты, надо полагать, сегодняшние городские новости уже знаешь!

Некоторое время до слуха Константина Дмитриевича доносились отдаленные раскаты грязновского баса, достигавшие не только уха Александра Борисовича, слегка отстранившегося от трубки, но и его стола. Наконец, Турецкий воспользовался паузой:

– Согласен, Слава. И, поскольку дело идет к нам, уверен, помочь в поимке этих сволочей ты не откажешься... Спасибо!.. Что именно?.. Мне, совершенно точно, понадобится Яковлев, а ты, я слышал, собираешься его куда-то услатить... Кто такой Гнедич?.. Я понял: Олег Васильевич Гнедич... Нет, не слышал... Хорошо, это очень кстати, но Володя все равно понадобится... Да, и Галочка тоже...

На этот раз пауза была дольше, а попытки Турецкого вставить хотя бы слова в слитный гул его собеседника успехом увенчались не скоро.

– Согласен с тобой полностью, – произнес, наконец, Александр Борисович. – Так что насчет Володи?.. Вот и отлично? Нет, твоего Гнедича это ни в коем случае не исключает, тем более что он выезжал на место... Конечно, я тебе верю, раз он, по твоим словам, из лучших – значит, так оно и есть... В МУРе вообще ребятки хорошие в основном... Тогда до вечера, жду часам к пяти... Пока!

– Что это ты ему насчет МУРа впаривал? – поинтересовался Меркулов, едва Турецкий отключил связь.

– Откуда это ты, Костя, такие словечки знаешь? «Впаривал»... Надо же!.. – деланно изумился Сан Борисыч.

– От тебя и знаю, – спокойно парировал шеф. – Так что там насчет «хороших ребятков» из МУРа? И главное, с каких пор они у тебя вдруг похорошели?.. Помнится, еще совсем недавно ты тамошних оперов не очень-то жаловал...

– Слушай, я ведь не обо всех высказывался, верно? – отреагировал Саша. – Слава имел в виду конкретно человека, Гнедич его фамилия... Я вот сейчас позвоню Яковлеву-старшему и спрошу, что за опер этот Олег.

– Надо же! А Славке сказал, что его характеристики тебе достаточно! И где ж ты научился, Саня, так лицемерить?..

– От тебя и научился! – не преминул «вернуть должок» Турецкий. – Наслушавшись твоих разговоров с твоим же шефом вот по этому телефончику!..

3

Старший оперуполномоченный МУРа Олег Гнедич исподтишка уже не в первый раз за прошедшие двадцать минут оглядел кабинет легендарного Турецкого и собравшихся в нем людей, из которых знал двоих: Володю Яковлева, сына его собственного шефа Владимира Михайловича Яковлева-старшего, и капитана Галочку Романову... Очаровательную на его взгляд женщину, глядя на которую в жизни не скажешь, что она плюс к своей редкой красоте еще и высококлассный профессионал. О последнем Олег знал не понаслышке, поскольку несколько раз ему доводилось работать с ней в одной оперативно-следственной группе.

Еще двое из присутствующих на совещании – местные прокурорские «важняки» – произвели на Олега неоднозначное впечатление. Валерий Померанцев, в частности, показался Гнедичу несколько высокомерным типом, но, возможно, виновата в этом была его внешность – сам Олег, крепко сколоченный и ярко выраженный блондин, с некоторой подозрительностью относился к красавчикам брюнетам, к коим и причислил Померанцева с первого взгляда... «Поживем – увидим», – решил он.

А вот второй следователь, точнее, «следовательша», Светлана Перова – совсем еще молодая, но очень серьезная на вид блондиночка в очках, ему понравилась сразу. Девушка явно волновалась, судя по всему, трепетала перед Турецким, на которого смотрела преданными, по-детски наивными глазами, ловя каждое слово Александра Борисовича и часто делая пометки в своем блокнотике... Если она еще и профи хороший, с ней они точно сработаются.

Что касается самого хозяина кабинета, Олег старался не демонстрировать повышенный интерес к нему, хотя свободная, почти домашняя манера общения с подчиненными со стороны «важняка» была ему внове. Он все-таки не выдержал и бросил на Турецкого любопытный взгляд, воспользовавшись тем, что Александр Борисович отвлекся на тихий, почти шепотом разговор с Вячеславом Ивановичем Грязновым, сидевшим у торца его стола. «Забавная у него манера носить очки, – подумал Гнедич, всегда придававший значение подобным деталям. – Обычно очки для чтения, когда ими не пользуются, люди на лоб поднимают, а он, наоборот, на кончик носа сдвигает... Впрочем, с такой внешностью его это не портит, хотя и забавно, конечно... Симпатичный мужик, – сделал Олег для себя окончательный вывод. И моложе, чем я думал...»

В этот момент в кабинет постучали и в проеме открывшейся двери возник еще один знакомый Гнедича – Аркаша Лайнер.

– Здравствуйте, прошу прощения за опоздание, – пробормотал он и замер на месте, неуверенно уставившись на Турецкого.

– Ничего страшного, – живо отозвался тот, – проходите и присаживайтесь...

Он кивнул Аркадию на свободный стул и, прервав разговор со Славой, обратился к собравшимся:

– Если кто-то не в курсе, разрешите представить вам коллегу погибшего, господина Лайнера... Аркадий Ильич, все присутствующие в общих чертах с ситуацией уже ознакомлены, а с остальным мы ждали вас... Вы готовы? Если – да, то вам и слово! Уж извините, что прямо с порога...

– Я сам виноват, – еле заметно улыбнулся Аркадий, – застрял в пробке, надо было раньше выезжать... Не получилось, поскольку оформлял на себя Колины дела и... Словом, сами понимаете.

Александр Борисович молча кивнул:

– Ничего страшного... Но, как это, должно быть, вам ясно, представить и определить следственную ситуацию без вашего участия мы целиком и полностью не в состоянии.

Лайнер поспешно положил на стул, так и не присев на него, прозрачную синюю папку-уголок, которую принес прямо в руках. Взгляды всех присутствующих были прикованы к нему, но Лайнера это, как отметил Гнедич, не смущало – в отличие от него самого: когда в начале совещания именно ему пришлось излагать обстоятельства убийства Познеева и рассказывать о первых результатах опроса немногих свидетелей, Олег, к собственному неудовольствию, едва ли не заикался, поскольку находиться в центре внимания не любил... Аркадий, между тем, легко преодолев неловкость, возникшую из-за своего опоздания, уже говорил, повернувшись к присутствующим, вполне спокойно и вдумчиво:

– Я успел более-менее проанализировать все, что знал от Николая о последних его делах, и, думаю, не ошибусь, сказав, что причина убийства кроется именно здесь... Личных врагов у Коли точно не было, а вот по профессиональной линии...

– Вы не могли бы, – мягко прервал его Турецкий, – немного рассказать о Познееве как о человеке? Насколько знаю, вас связывала довольно близкая дружба...

– Да, конечно... – Лайнер вздохнул, и поправил очки. – Коля был удивительно честным парнем и принципиальным до жесткости. И в личной жизни, и, тем более, как следователь... Наверное, это главное, что можно о нем сказать... Что касается работы, его принципиальность была иногда просто прямолинейной, понимаете?..

– Не совсем, – подал голос Вячеслав Иванович Грязнов. – По-моему, принципиальность всегда прямолинейна, а иначе это уже не принципиальность, а конформизм.

– Возможно, я не совсем точно выразился. – Аркадий несколько смущенно покосился на Грязнова. – Просто в жизни иногда приходится идти на какие-то мелкие уступки, чтобы... чтобы в конечном счете добиться главной цели, верно? Ну а Коля даже мелким уступкам предпочитал конфликты, порой крупные, в том числе с начальством... О подозреваемых по его делам я вообще не говорю...

– Ясно, – прервал начавшуюся дискуссию Александр Борисович. – Давайте в таком случае попробуем перейти к конкретным вещам. Вы, как я понял, из всех дел Познеева, которые находились у него в работе, выделили какое-то одно, из-за которого и могла произойти с вашей точки зрения, трагедия?

– Даже не одно, а два, – подтвердил Лайнер. – Первое – дело Башкира, некоего Иванова Юрия Григорьевича...

– А-а-а, – снова прервал говорившего Слава Грязнов, – эта перестрелка в ресторане – он? – Аркадий молча кивнул. – Так, насколько знаю, прижучить его и на сей раз не удалось, дело-то развалилось непосредственно в суде...

Грязнов повернулся к Сан Борисычу и покачал головой:

– Ты его должен помнить, Саша! Сволочь редкостная, но скользкий, как протухшая селедка, – руки по локоть в крови, а до суда вообще дело дошло единственный раз, да и то провалилось с треском... Адвокатишкой у него Шахмин, ты знаешь... Тоже скотина та еще, но язык подвешен на все сто и мозги подходящие, хотя и работают не в том направлении!

– Что за перестрелка? – коротко поинтересовался Турецкий.

– Я бы перестрелкой это не назвал, – спокойно, но твердо возразил Лайнер. – Скорее, заказное убийство двоих граждан Болгарии... Они, правда, как говорится, воздух тоже не озонировали, как косвенно удалось доказать, имели отношение к наркотрафику... Расстреляны прямо в ресторане, среди посетителей Башкир и еще двое его отмороzków были их единственными знакомцами, хотя и сидели за другим столиком – как раз с той стороны, откуда стреляли в болгар... Ресторан, правда, большой, «Золотой орел»...

– Почему вы считаете, – спросил Турецкий, – что убийство Познеева может быть связано с Башкиром? Я, кстати, его вспомнил, если не ошибаюсь, он тоже связан с наркобизнесом, во всяком случае, считается весьма близким дружкой столь же неуловимого, как он сам, наркобарона... Верно?

– Верно, – хмуро согласился Аркадий. – Он у него выполняет самую грязную работу, можно сказать, придворный киллер... Знают об этом все, а вот доказать... В общем, я почему зацепился за Башкира? Во время следствия этот гад Коле угрожал дважды: лично и через своего адвоката...

– Но ведь дело-то развалилось, в сущности, должно было отправиться в архив?

– Нужно знать Николая, – вздохнул Лайнер. – А Башкир его знал... Коля не собирался сдавать дело в архив, а в день убийства он как раз сидел и анализировал его, я сам видел... Мы немного поговорили об этом, потому что Николай переживал очень из-за развала в суде, я пытался его приободрить... Но понял, что он, как всегда, не отступится. И Шахмин тоже это понимал. Кроме того, за Башкиром тянется слава необыкновенно мстительного типа...

– Ну что ж, лично меня вы убедили, – произнес Турецкий. – Валерий, что скажешь?

– Вполне состоятельная, по-моему, версия, – живо отозвался Померанцев, – весьма перспективная... О Башкире я тоже слышан!

– Что ж, вот ею и будешь заниматься... Все детали потом... Давайте дальше, Аркадий Ильич.

– Дальше – дело Вени-Моряка... О нем, вероятно, вы тоже слышаны.

Александр Борисович перебил:

– Думаю, есть смысл напомнить самую суть... Речь идет об известном киллере Арсении Погарцеве, кличка Вени-Моряк... «Прославился» после убийства российского киллера номер один – Грека и его любовницы Магды в Венеции... В данный момент большинство его подельников пребывают в местах не столь отдаленных, но сам Погарцев на свободе, залег на дно... Вы, Аркадий Ильич, полагаете, что у него были основания для покушения на Познеева?

– Видите ли, Погарцев – вам это, конечно, известно – член так называемой матвеевской банды, благодаря Колиным усилиям практически ликвидированной... Среди тех, кого он посадил прочно и надолго, ближайший друг, чуть ли не со школьных лет, Вени, он же глава этих бандюков, Салимов Махмуд, кличка Курок. Так что я думаю, Вени вполне мог отомстить ему за дружка... Тем более что и живут... жили в одном районе...

– Светочка, что ты скажешь? – Александр Борисович окликнул Перову, продолжавшую делать пометки в своем блокнотике.

Девушка подняла голову и, серьезно поглядев на Турецкого, сказала:

– Я думаю, что Аркадий Ильич прав... Мне заниматься именно этой версией?

– Ну что ж... Как говорится, «ты сказала». Теперь, что касается оперативников... Галочка, работать будешь в основном с Померанцевым, по его версии, вам, как говорится, не впервой сотрудничать... С Перовой, если вы не против, Олег Васильевич...

Гнедич поспешно кивнул, довольный тем, что с высокомерным красавчиком Померанцевым ему, судя по всему, сталкиваться придется не часто.

– Теперь далее...

– Александр Борисович, извините... – смущенно перебил его Лайнер. – У меня вообще-то есть еще одна версия... По делу Костина...

– Костина?! – Вячеслав Иванович Грязнов, до этого внимательно слушавший Аркадия, едва не подпрыгнул на стуле. – Так ведь Костиным наша собственная безопасность занималась!..

Он вновь живо развернулся к Турецкому:

– Ты, Сань, скорее всего, не знаешь, по-моему, я тебе не рассказывал... Это так называемое вы-хинское дело, во главе стоял некий Костин, майор милиции... Их почти четыре года не могли вычислить, «мочили», гады, одиноких стариков, проживавших в отдельных квартирах, квартиры, естественно, захватывали... Все участники шайки, увы, офицеры милиции... Ну, и плюс участковые продажные...

– До того, как выяснилось, что они все офицеры милиции, – вежливо возразил Лайнер, – делом занимались мы... То есть Николай... И Костина с поличными взял не кто иной, как присутствующий здесь Олег Гнедич... Не один, конечно.

Александр Борисович одобрительно посмотрел – так же, как и остальные – на Олега, которому немедленно захотелось спрятаться в самый дальний угол. Конечно, ту операцию он отлично помнил, но воспоминания остались далеко не самые приятные: Костин тогда ранил его самого лучшего друга, Ваську Петрашевского, которому в итоге из-за ранения пришлось вовсе уйти с оперативной работы.

– Ну а потом, – продолжил Аркадий, – кто-то в Бутырке дал маху, и Костин заявился на допрос, вооруженный лезвием...

– Точно! – кивнул Слава Грязнов. – Значит, это он на Познеева вашего с бритвой кинулся?..

Лайнер кивнул:

– Николай был крепким мужиком, владел восточными единоборствами... Скрутил его в два счета, медико-психологическую экспертизу тоже он после этого ему назначил. Что было дальше – я не в курсе, на этом у нас дело забрали в соответствующий департамент МВД. Но я слышал, что Костин и по сей момент находится в институте Сербского...

– Все верно, – подал голос Слава Грязнов. – У остальных уже и суд давно позади, так что я не совсем понимаю, почему вы считаете, что дело Костина может быть как-то связано с убийством Познеева.

– Ходили слухи, что у Костина остались на воле сообщники, я помню, был у нас с Николаем разговор об этом... Коля говорил тогда вполне уверенно, что кто-то, причем облеченный высокой должностью, остался «за кадром»... Он собирался заняться расследованием, и тут дело ушло к вам.

Вячеслав Иванович задумчиво посмотрел на Лайнера:

– Пожалуй, я готов с вами согласиться... Уж больно долго пребывает этот тип в условиях больничной палаты, все никак не могут решить – вменяем или нет... Ощущение такое, что кто-то действительно этому способствует... Ну что, Саня, ты-то что молчишь?

– А я думаю, – усмехнулся Турецкий.

– И что надумал?

– Что проверить и эту версию тоже надо... Займусь сам, с твоей помощью!

– Тем более, – добавил Лайнер, – что на Николая не напали, например, с ножом, возможно, зная, что он владеет единоборствами и справиться с Колей даже в компании с кем-то сложно...

– Если так рассуждать, – вмешался Померанцев, – то ни одна версия с киллерами и вовсе не подходит!

– Почему? – поинтересовался Лайнер.

– Да потому, что профессиональный киллер взрывать не станет, а воспользуется любимым способом – огнестрельным оружием.

– Познеева хотели уничтожить наверняка, – возразил Аркадий. – На работе или на выездах его неудобно подлавливать. Единственный подходящий момент – возвращение с работы домой... А где там найдешь пристрельную позицию?.. Сквер – слишком хорошо просматривается, новостройки и заброшенные здания отсутствуют...

Померанцев слегка пожал плечами, но ввязываться в дискуссию не стал. Доставшаяся ему версия подобными аргументами, с точки зрения Валерия, вполне даже подкреплялась. А вот насчет Вени-Моряка, фактически второго по своему страшному мастерству киллера в России, он уверен не был. Точнее, был уверен в обратном: задумай тот убить следователя – нашел бы способ, а главное, время и место пристрелить своего врага... Такие, как он, способ убийства не меняют!..

Померанцев невольно бросил сочувственный взгляд на молча слушающую их с Лайнером Светлану Перову: наверняка ей предстоит «тянуть пустышку»... Ну, да ладно, сама напросилась!

– В любом случае, проверять придется все, – примирительно произнес Турецкий. – По крайней мере, если иметь в виду версию с милиционерами-убийцами, тут аргументы Лайнера тоже срабатывали: устранение Познеева с помощью взрывного устройства ей не противоречило...

– Володя, – Александр Борисович повернулся к Яковлеву. – Как ты уже, видимо, понял, работать будешь в основном со мной и с собственным шефом, а посему все втроем встретимся завтра часиков в двенадцать... Слава, надеюсь, к тому времени ты нам раздобудешь как минимум копию дела этих квартирных убийств... Аркадий Ильич, вы, вероятно, понимаете, что и упомянутые вами дела, лежащие в основе первых двух версий, должны быть у нас не позднее завтрашнего утра...

Лайнер кивнул.

– А это значит, господа сыщики, – повернулся к остальным Турецкий, – что к послезавтрашнему утру, скажем, часам к десяти, я вправе ждать вас на том же месте, то бишь тут, с хотя бы в первом приближении сделанными планами расследования, как минимум включающими тактические рекомендации.

Он по очереди прищурился вначале на Померанцева, затем на Перову и усмехнулся:

– Возражений не последовало – уже радуется!

– Вам, пожалуй, возразишь, – все-таки не удержался Валерий, но Турецкий сделал вид, что не слышит, и продолжил:

– Со своими оперативниками о времени и месте встречи сговаривайтесь сами, работаем дружно и, желательно, быстро... На данный момент, если ни у кого не возникло дополнительных вопросов, я вас больше не задерживаю!..

Олег Гнедич к Перовой подошел сам и с удовольствием убедился, что вблизи она еще симпатичнее. К тому же у Светланы оказалась удивительно изящная фигурка и, если верить ее первой реакции на Олега, приветливый характер.

Светлана искренне улыбнулась оперативнику, заявив, что, поскольку их уже представили друг другу, будет лучше, если они сразу в интересах сотрудничества перейдут, во-первых, на «ты», во-вторых, обойдутся без отчеств...

– Вот уж не думал, – усмехнулся Олег, – что в Генпрокуратуре процветает такая демократия!

– И правильно не думал, – подтвердила она. – Нигде она не процветает, кроме как у Александра Борисовича... Я просто душой отдыхаю, когда посчастливится с ним работать!.. Заходи, вот мой кабинет. – Выйдя из приемной Турецкого, они повернули направо по коридору и теперь стояли возле одной из дверей, на которой красовался ромбик с номером 14.

– Вообще-то, – Светлана вставила ключ в замочную скважину, – я его делю с одним коллегой, но он сейчас в командировке. Да входи же, наконец!..

Кабинет оказался небольшим, но уютным, здесь как-то сразу ощущалось присутствие женщины – благодаря не только довольно большому, почти в пол, зеркалу, но и множеству цветов на подоконнике, на тумбочке и даже на сейфе старого образца, очевидно, оставшегося здесь с прежних незапамятных времен.

Перова напоила Гнедича замечательным чаем и, договорившись, что именно он возьмет на себя труд доставить в Генпрокуратуру дело Вени-Моряка, тут же не слишком тактично глянула на часы:

– Вот и отлично! Давай, жду... До четырех успеешь?

– До четырех?.. – Олег покосился на смешной, какой-то детский розовый будильник тикающий на старомодном сейфе рядом с геранью. – Так времени-то уже почти два...

– А ты постарайся, – сдерживая улыбку, сказала Перова. – Постановление я тебе за пять минут напишу, допивай чай и – вперед! Нам еще над планом думать, учти!..

...Уже оказавшись на улице и оглядываясь по сторонам в поисках свободного такси, Гнедич внезапно рассмеялся – над самим собой: вот тебе и очаровательная блондинка! Не успел оглянуться, как моментально впрягла его, причем озаботив поручением, в общем-то не входящим в его компетенцию... Ну и ну!..

4

Последняя страница папки с надписью «Башкир» была перевернута, и Валерий Померанцев, вздохнув, кисло глянул на притихшую рядом с ним Галю Романову.

– Ну что, товарищ капитан? – поинтересовался он. – Сдается мне, и вам вся собранная здесь бумажения оптимизма не внушает?.. Во всяком случае, к повествованию Лайнера не добавляет ни черта... Или почти ни черта.

– погоди, Валера. – Галя аккуратно вынула из рук Валерия объемистую папку с делом и вновь открыла ее на первой странице. – Мне показалось... Точно, вот он!

На внутренней стороне пластиковой корочки, как обычно и бывает в папках такого образца, имелось что-то вроде еще одного отделения, своеобразный карман, показавшийся Померанцеву пустым. Однако пустым он на самом деле не был. Ловко запустив в него палец, Романова выудила из кармашка сложенный вчетверо листочек.

– Ну ты, опер, даешь!.. – восхищенно посмотрел на нее Валерий. – Как углядела-то?..

Он взял у Гали бумагу, развернул ее и увидел, что весь листок с внутренней стороны исписан мелким убористым почерком Познеева.

Романова, ничего не ответив, склонилась над записями одновременно с Померанцевым.

Судя по всему, покойный Николай Петрович делал на этом листочке пометки лично для себя, естественно, не заботясь о том, чтобы посторонний человек мог, если понадобится, понять, о чем именно идет речь... Неоконченные обрывки фраз: «Узнать насчет заказа, число, время...», «Она или?..» и прочее в том же духе. И еще раз: «Она?..» Дважды, через несколько строчек, повторялись чьи-то инициалы – «Л. Ю.», во второй раз, уже в самом конце записей, жирно подчеркнутые красным фломастером...

Галя разочарованно откинулась на спинку дивана, сидя на котором они с Померанцевым читали дело Башкира.

– Ничего не понятно, – тихо произнесла она, – разобраться в этом, по-моему, просто невозможно! Он для самого себя писал. Так что...

– погоди-ка! – Валерий на мгновение уставился на Галю, как ей показалось, абсолютно бессмысленным взглядом, а затем схватил папку с делом, лежавшую рядом с ним тут же на диване, и принялся ее поспешно листать.

– Слушай, неужели ты... – начала было Романова, но Померанцев на нее шикнул.

– Молчи, Киса, молчи... – пробормотал он. – Молчи, грусть...

Галя невольно прикусила язык, а Валерий, найдя нужную страницу, буквально впился в нее глазами и через секунду хлопнул по папке рукой.

– Вот кто такая эта «Л. Ю.»!.. Смотри!..

Девушка с интересом глянула на страницу, в которую он ткнул пальцем: перед ней был протокол дознания из раздела свидетельских показаний, снятых на месте происшествия выездной бригадой отделения, на территории которого находился ресторан «Золотой орел». Показания одной из девиц, составлявших в роковой вечер компанию погибшим болгарам.

– Лидия Юркова, студентка... А?..

– Ну и что? – Галочка недоуменно посмотрела на следователя.

Показания девушки они только что прочли вместе, Романова их отлично помнила и не видела ничего, за что в ее словах можно было бы зацепиться. Самая что ни на есть заурядная история, изложенная двумя явно насмерть перепуганными девчонками, случайно ставшими свидетельницами убийства.

С болгарами, по их словам, подружки познакомились случайно – точнее, с одной из них, этой самой Лидией, студенткой третьего курса юрфака, платного отделения. Приняв пригла-

шение в «Золотой орел», подружку она привела «для комплекта», чтобы второму гостю столу не было скучно...

По словам Юрковой, знакомство с болгарами состоялось на Тверской, возле витрины бутика, у которой она стояла, разглядывая какие-то понравившиеся ей туфельки. А вечером того же дня Лидия уже оказалась с ними за столиком ресторана, не устояв перед возможностью побывать в одном из самых дорогих мест столицы... Когда еще такое выпадет?!

– Не понимаю, что тут такого, чтобы зацепиться? – снова повторила Галя, наблюдая за тем, как внимательно Валерий вчитывается в протокол дознания. – Банальнейшая ситуация... Смотри, она постоянно просит «не говорить папе»... Явно из «домашних девочек», причем из состоятельной семьи... Знаешь, сколько стоит один семестр по нынешним временам на нашем родном юрфаке?..

Валерий ничего не ответил, снова поглядев на Романову отсутствующим взором, закрыл папку с делом и опять уткнулся в листочек с заметками покойного Познеева.

Некоторое время в кабинете царила тишина. Галочка смиренно сидела на кончике дивана, отодвинувшись от Померанцева, усиленно работавшего мозгами в каком-то загадочном направлении.

– Слушай... – Он наконец отстранил от себя листок и повернулся к ней. – Как думаешь, почему у него слово «заказ» оба раза рядом с инициалами этой девицы?

– Случайно, наверное, – пожала плечами Галочка. – Он же все время размышлял над тем, что убийство заказное, вот и...

– Ни хрена! – довольно-таки грубо оборвал ее Валерий. – Я думаю, дело совсем не в этом!

– А в чем?..

– Слушай, ты этот ресторан «Золотой орел» хорошо знаешь?

– Совсем не знаю, – пожала плечами Романова. – Ну, в том смысле, что ни разу там не была и уж точно не буду... Мне зарплату раз в месяц дают, а не дважды в день!

– Во, в самую точку, – удовлетворенно кивнул Валерий. – Но побывать там тебе все-таки придется, причем прямо сегодня... Я, кажется, понял, что имел в виду Познеев. Видишь ли, несмотря на поднебесные цены, «Золотой орел» весьма популярное у богатеньких Буратинов местечко, особенно по вечерам, поскольку после полуночи там еще и стриптиз кажут... Кстати, как я слышал, весьма профессиональный, и даже без порнухи...

– Ну уж... – Галя передернула плечами и слегка порозовела.

По ее мнению, столь вульгарное развлечение, как стриптиз, само по себе было «порнухой», как его ни подай... Валерий усмехнулся и продолжил:

– Дело не в этом, а в том, что попасть в данное заведение – дело непростое, столики заказывают заранее, чуть ли не за неделю...

– Откуда знаешь? – не выдержала Романова, с неодобрением покосившись на Померанцева.

– Сталкивался с «Золотым орлом» по одному делу в прошлом году, – невозмутимо произнес он.

– И что же, ты думаешь, что слово «заказ» Познеев употребил как раз в смысле – «заказ столика»?!

– Во всяком случае, из материалов дела, как ты сама могла убедиться, следует, что данная сторона следствием не отработана, кто именно, а главное, когда заказывал роковой столик, никому в голову не пришло проверить... Так же, как и разузнать побольше об этих девицах, точнее, о Юрковой... Тебе все ясно?..

– Сдаюсь, – улыбнулась Галя. – У тебя, Валера, и впрямь мозги что надо!

– Ладно-ладно. – Померанцев неожиданно смутился, что было для него делом, прямо скажем, не обычным. – Возможно, я ошибаюсь... Но проверить все-таки надо.

– Все, я поехала! – Романова поднялась с дивана и достала из сумочки блокнот. – Диктуй адрес этого «Орла», номер столика и число... На юрфак тоже мне ехать?

– Если ты, радость моя, не против, я бы сам туда прогулялся, тем более что и идти-то недалеко...

– Разве она не в МГУ? – удивилась Галя. – Я думала там, только на платном...

– Какое там МГУ, – махнул рукой Померанцев. – Очередной якобы институт, якобы юридический... И когда эти шарашкины конторы прикроют? Всю Москву устали такими «институтами», «академиями» и прочими «универсами»! Вообрази, братец моего приятеля, с позволения сказать, студент такого вот «вуза», вместо того чтобы сдавать зачеты, берет у своего папашки денежку и платит преподу... Тьфу!..

– И что? – приоткрыла рот Галочка.

– Эх, наивная твоя душа! – вздохнул Померанцев. – Как «что»? В зачетке очередная запись...

– Так ведь потом же все равно и экзамены сдавать, и диплом защищать! Неужели...

– Полный наивняк! – Померанцев покачал головой и улыбнулся. – Я с тобой, Романова, знаешь, почему люблю работать?.. Потому что возле тебя просто душой иногда отдыхаешь... Все, дорогая, пошли: девочки налево – мальчики направо!..

Институт, в котором училась интересующая Валерия Лидия Константиновна Юркова, располагался в мрачноватой на вид «сталинке», занимая в ней, судя по окнам, три нижних этажа. Четыре верхних были явно обыкновенными жилыми.

Прежде чем войти в нужный ему подъезд, Валерий внимательно прочел украшавшую его табличку. Табличка утверждала, что за тяжелой, украшенной выкрашенными рыжей краской завитушками дверью находится не просто институт, а «Правовая Академия», в частности, юридический и экономический факультеты... Предъявлять свое удостоверение охраннику он пока не стал.

Состроив смущенную физиономию, Померанцев нерешительно обратился к охраннику, восседавшему за довольно длинным столом с телефоном и какими-то толстыми большими тетрадами. К столу вели с десятков мраморных ступеней широкой лестницы. За спиной затянутого в традиционный пятнистый камуфляж парня находилась широкая площадка, расходившаяся в разные стороны сразу тремя коридорами: похоже, и в прежние времена, по крайней мере на первом этаже здания, располагалось какое-то учреждение.

– Извини, мужик... – Валерий для убедительности помялся. – Мне бы из начальства с кем-нибудь поговорить... Ну, с ректором там или с деканом юридического...

– А по какому вопросу? – парень с явным неудовольствием оторвался от книжки, которую читал в момент появления Померанцева, и неодобрительно оглядел его с ног до головы.

– По личному, – поспешно ответил тот. – Сестренка у меня тут учится, двоюродная... Ее папаша, значит, попросил кое-что узнать...

– Какая еще сестренка?

– Лида... Лидия Юркова – может, знаешь?..

Во взгляде парня мелькнуло что-то вроде интереса, он отложил, наконец, свою книжонку и еле заметно усмехнулся:

– Это которая на «мицубиси» цвета «металлик», что ли, ездит?.. Что-то ты не похож на ее брата, даже двоюродного!..

И он с откровенным пренебрежением оглядел померанцевское черное пальто, с точки зрения Валерия – весьма элегантное, хотя и слегка поношенное.

– Правда, что ли, не похож?! – Валерий легко, в одно мгновение взлетел по ступеням, быстро наклонился к столу охранника, и в ту же секунду перед носом обалдевшего от его неожиданного броска, побледневшего парня оказалось удостоверение.

– А ты, как я погляжу, – ласково произнес Померанцев, – наблюдательный мужик! Ведь и точно – не похож!..

Выпрямившись перед онемевшим охранником, Валерий спокойно сел на стул, стоявший по другую сторону его стола, удовлетворенно отметив страх, заматавшийся во взгляде этого субъекта.

– Итак, Генпрокуратура, – насмешливо произнес он. – Поговорим?..

– П-поговорим. А... о чем?..

– Например, о том, как тебя зовут, дружок, – для начала. Ну, и?..

– М-миша... То есть Михаил Кошкин я.

– Вот и познакомились, Миша Кошкин, – усмехнулся Валерий. – Теперь можно и к делу переходить... Надеюсь, ты уже понял, что разговор наш, который еще предстоит, – сугубо личный и разглашению не подлежит?..

– Понял, не дурак, – буркнул несколько оклемавшийся от померанцевской эскапады охранник. – Спрашивайте, что ли, пока эти... ну, студенты-то на занятиях... А то в перерыве целая куча вывалится с сигаретами...

– А я уже спросил, – напомнил Померанцев.

– Насчет Лидки, что ли?.. А чего она натворила?

– Пока – ничего особенного, если не считать визита в одно увеселительное заведение...

Кошкин фыркнул и наконец расслабился окончательно:

– Эка невидаль! Да они здесь почти все на лекциях реже бывают, чем по этим самым заведениям шляются, а Лидка – и вовсе первая по этой части... Так чего она натворила-то? Или это ее старый хрыч откошил?..

Померанцев отметил, что на лице Кошкина мелькнуло злорадное выражение: судя по всему, к неведомому хрычу у Миши были дополнительные претензии.

– «Хрыч» – это, надо полагать, папаша? – поинтересовался он.

– Да какой там папаша!.. Хотя в папаше он ей как раз точно годится... Любовь она с ним крутит... Бабок у него, говорят, куча, вот и крутит.

– Имя у хмыря есть?

Охранник пожал плечами.

– Она его «Бобом» называет, сам слышал, а фамилией, извините, не интересовался... – Кошкин неожиданно вздохнул и добавил с куда более человеческой, почти горькой интонацией: – Нынче девушки таких и ищут, хотя зачем Лидке этот денежный мешок сдался при богатом папаше – сам черт не разберет... А такие, как мы, им и на хрен не нужны...

Померанцев невольно посмотрел на Кошкина сочувственно и собрался задать следующий вопрос, но в этот момент раздался пронзительный звонок, знаменующий собой конец очередной пары, и он быстро произнес:

– Юркова сегодня здесь? – Кошкин кивнул. – Покажешь мне ее незаметно, если объявится тут!

– Объявится, – перешел на шепот Михаил, – она курит много...

Оба они замолчали, поскольку первые стайки студентов и впрямь впорхнули на площадку. Валерий только сейчас заметил стоявшие на полу возле входов в коридоры урны, а над ними таблички «Место для курения».

С каждой секундой прибывавшая, громко галдящая толпа производила впечатление пестрой птичьей стаи – и из-за щебета девушек, которых тут было явное большинство, и из-за разнообразия ярких молодежных одежек... Судя по всему, контингент здесь действительно был не бедный...

Валерий покосился на Кошкина, который, сидя вполоборота, напряженно и старательно вглядывался в толпу, постепенно разбивавшуюся на небольшие компании. Наконец охранник

слегка толкнул Валерия под столом ногой и, наклонившись к нему, пробормотал: «Справа, у самой урны, в зеленых сапогах...»

Померанцев слегка прищурился и отыскал глазами поначалу упомянутые зеленые сапоги, а затем оглядел их обладательницу... И моментально понял, откуда в голосе Кошкина взялась горечь.

Лидия Юркова оказалась удивительно красивой девушкой – высокая, стройная блондинка, но не заурядного, примелькавшегося типа, а со своеобразным, немного скуластым лицом, большими зеленоватыми глазами, в которых светилось высокомерие, с длинными, небрежно струящимися по плечам волосами. Она была в облегающем черном мини-платьице, на плечах – модный в нынешнем сезоне зеленый шарфик, легкий, полупрозрачный. Если что и портило девушку, так это застывшая маска пренебрежения на ее прекрасном, точеном лице... Покурить Юркова вышла одна, никакой компании вокруг нее не образовалось.

Коридоры вновь взорвались звонками. Лидия, так и не обратившая внимания ни на Кошкина, ни на его собеседника, вообще ни разу не взглянувшая куда-либо, помимо кончика своей сигареты, бросила окурочку в урну и, спокойно развернувшись, исчезла в толпе, хлынувшей в правый коридор. Через минуту лестничная площадка опустела, а на этаже вновь установилась тишина.

Валерий посмотрел на Кошкина, невесело глядевшего в сторону и, вздохнув, поднялся:

– Ладно, Михаил, пойдем-ка со мной, покажешь мне ее «мицубиси»!

– «Мицубиси»?.. – переспросил тот, явно думая о чем-то своем. – Слушай, а что она все-таки натворила-то?

– Ты не в меру любопытен, – назидательно произнес Валерий. – Но так и быть – скажу: ничего! Просто проходила свидетельницей по одному старому делу, возможно, понадобится в этом качестве еще раз...

– Лидкина машина на парковке одна такая, – буркнул охранник. – Сегодня она ее второй слева припарковала, от подъезда слева... Сразу увидите... А я покидать пост не имею права!

– Не имеешь – так не имеешь, – легко согласился Померанцев. – Надеюсь, про наш уговор не забыл?

– Это чтоб никому ни слова, что ли? – Кошкин пожал плечами. – Да кому я скажу-то? Я, кроме напарника, когда смену сдаю, и не говорю ни с кем тут...

«Мицубиси» цвета «металлик» действительно выделялась на парковке: предпоследняя модель, насколько помнил Валерий, дорогушая. Впрочем, это его не слишком удивило с учетом того, что, как следовало из дела Башкира, отец Юрковой был владельцем небольшой, но весьма преуспевающей рекламной фирмы, занимавшейся также недвижимостью.

Он задумчиво оглядел машину, в общем-то бесцельно: даже если привести сюда того свидетеля-подростка, вряд ли мальчишка сумеет определить, эту или другую машину он видел у подъезда Познеева перед взрывом...

В этот момент в кармане Померанцева зазвонил мобильный, на дисплее высветился Галочкин номер – очень кстати!..

– Валера, – Романова заговорила, чуть запыхавшись, очевидно, говорила на ходу. – Слушай, ты просто гений... Сейчас приеду в прокуратуру – расскажу... Если в двух словах – столик болгар был заказан накануне... Думаешь, кем?

– Думаю, Лидией Константиновной Юрковой, – произнес Померанцев.

– Приеду, – выдохнула Галочка, – и, честное слово, расцелую тебя в обе щеки!..

– Погоди, Галка... – Валерий посмотрел на часы. – Значит, так... Сейчас ты зайдешь куда-нибудь пообедать, а я пока свяжусь с нашими или с вашими – словом, выбью для тебя в срочном порядке колеса... Когда поешь, свяжешься со мной, я к тебе подъеду сам, дабы передать руль... Ты меня слышишь?

– Так точно, – отозвалась Романова.

- После чего поедешь по адресу, который назову, и сядешь на хвост интересующей нас девушке... Или типу по кличке Боб, который нам, собственно говоря, нужен... Усекла?
- Ты уверен, что я этого Боба отличу от не Боба?..
- Подробности при встрече, а теперь, товарищ капитан, кру-угом! И – марш!..
- Есть! – пискнула Галочка и, не удержавшись, хихикнула в трубку, прежде чем отключить связь.

5

«Важняки», работавшие под началом Александра Борисовича, были не только очень разными людьми, но и расследования достававшихся им дел вели тоже очень по-разному. Турецкий, например, не сомневался, что Валерий Померанцев явится к нему в следующий раз не только с планом следственных действий, но и не менее чем с парочкой уже осуществленных им тактических приемов, а значит, и с кое-какими конкретными результатами.

В отличие от него, Светочка Перова без одобрения шефа и шага не сделает. Зато ее осведомленность о характере событий, составляющих дело, его участниках и прочих сопутствующих обстоятельствах будет такова, словно и предыдущее следствие вела она сама...

И разумеется, он не ошибся: Светлана появилась в его кабинете почти сразу после летучки у Меркулова.

– Можно?.. – Она нерешительно замялась в приоткрытых дверях.

– Конечно! – Турецкий ободряюще улыбнулся Перовой. – Проходи и присаживайся. Слушаю тебя очень внимательно!

Светлана поспешно вошла в кабинет и, уже не дожидаясь особого приглашения, села на стул по другую сторону стола Турецкого и, поправив очки, деловито открыла изящную кожаную папочку, принесенную с собой.

– Значит, так: суть дела Арсения Погарцева, он же Веня-Моряк, такова: дело было возбуждено по следующему факту. В августе две тысячи первого года, в Венеции, в пятизвездочном отеле «Глория» были застрелены неизвестными лицами или лицом гражданин России Андрей Александрович Комаров по кличке Грек и его любовница, гражданка РФ Мария Петровна Курошкина, профессиональная модель – подиумный псевдоним Магда...

Александр Борисович дело Грека знал преотлично, однако прерывать Перову не стал, давая ей возможность собраться с мыслями: сбивать Светлану в подобных ситуациях не следовало, проще было слушать ее вполуха и включить внимание полностью только на нужном месте.

До упомянутого «нужного места» девушка добралась минут через десять.

– ...Таким образом, – произнесла она с видимым облегчением, – несмотря на то что Погарцеву удалось во время перестрелки уйти от оперативников, матвеевская банда фактически была разгромлена, возглавлявший ее Салимов, он же Курок, он же ближайший друг Вени-Моряка, так же как и остальные члены банды, были захвачены, осуждены. Срок Салимов получил максимальный...

– Если не ошибаюсь, – осторожно вставил Турецкий, – уйти Погарцеву удалось по чистой случайности?

– Да, – Светлана оторвалась, наконец, от своих бумаг. – Под окном, из которого он выпрыгнул, как раз в этот момент парковался один из жильцов этого дома. Веня вышвырнул его из-за руля, сломав мужчине при этом руку, и скрылся, сбив по дороге одного из спецназовцев, участвовавших в засаде возле дома... Предусмотреть такую ситуацию просто невозможно, а захваченная им машина, к тому же, была внедорожником с двойным приводом, иномарка, и бак хозяин только что залил... Повезло подонку! – зло завершила Перова.

– Давай дальше, Светлана, – кивнул Александр Борисович.

– К сожалению, – вздохнула она, – его розыски ничего не дали, хотя поначалу велись очень активно. Но бандит уже знал, что все... ну, или почти все их явки «засвечены», во всяком случае, ни одной из тех, что были известны следствию, он не воспользовался, вообще прочно залег на дно. Словно растворился...

– И за прошедшие годы никому и ни разу не пытался отомстить, хотя о нем и говорят как о крайне злобном и мстительном типе...

Перова задумчиво покачала головой:

– Матвеевскую шайку взяли, Александр Борисович, если вы помните, почти через два года после убийства Грека, а суд над ними и вовсе завершился всего одиннадцать месяцев назад: процессов было столько, что со счета собьешься... В общем, вчера вечером я дозвонилась, хоть и с трудом, до начальника Башкирской колонии, в которой отбывает наказание Мыльников – единственный, кто активно сотрудничал со следствием: если бы не его показания, вряд ли бы Курок получил свой «четвертак»... В общем, на данный момент Мыльников свой минимальный срок уже не отбывает – на позапрошлой неделе убит в драке... Заточкой в спину...

Турецкий прищурился и с интересом взглянул на Светлану:

– Думаешь?..

Перова кивнула:

– Во всяком случае, очень похоже на месть. Ведь он действительно дал очень важные показания! В деле они есть, зачитать?..

– Не нужно, я тебе и так верю! – поспешно произнес Александр Борисович. – Давай-ка перейдем теперь к нашему следствию... Думаю, план у тебя готов.

– В общих чертах, – осторожно возразила Перова. – В сложившейся ситуации, Александр Борисович, думаю, первое и пока что единственное, что следует предпринять, – задействовать нашу агентуру... В свое время Познееву это практически ничего не дало, но у Гнедича – во всяком случае, он так говорит – есть двое бесценных агентов, особенно один из них... Ну, вы понимаете...

– Неужели «крот»?.. – глаза Турецкого округлились.

Светлана улыбнулась и кивнула:

– Представьте себе!..

– Славке – голову оторву, – пробормотал Александр Борисович. – Вот почему он так Гнедича нам рекомендовал, можно сказать, с необыкновенным для него рвением...

Перова не удержалась и фыркнула, услышав о намерении своего шефа разделаться с Грязновым-старшим.

– Я так поняла, что одной из обязанностей Олега Васильевича является как раз связь с этим его «кротом», то есть с их «кротом»... В общем, через него в случаях крайней необходимости, тот ее и поддерживает с родной организацией...

– Что, Гнедич тебе сам это все вот так и выложил? – полюбопытствовал Турецкий, с интересом разглядывая Перову, слегка под его взглядом порозовевшую.

– Нет, н-не совсем... Ну, если коротко, я догадалась, а он не стал отрицать...

Светлана отвела глаза, а Александр Борисович не сдержал улыбку и развивать эту тему не стал. Девушке явно не хотелось подводить своего оперуполномоченного, и ясное дело, почему: вероятно, общаясь с ним и вызывая Гнедича на откровенность, Перова использовала все свое женское обаяние на полную катушку... Что ж, за это ее следовало бы только похвалить! Но чтобы не смущать Перову, Турецкий просто сменил тему, поинтересовавшись, какие сроки понадобятся на осуществление упомянутого оперативного мероприятия, призванного конкретизировать план дальнейшего расследования.

– Гнедич попросил у меня сутки, но, возможно, понадобятся и двое, и трое... Его субъекта, как я поняла, не так просто изловить в Москве. А почему – он не пояснил...

– Еще бы он тебе и это пояснял!.. – не выдержал Турецкий. И, обнаружив, что на сей раз Светлана вспыхнула по-настоящему, покраснев до ушей, счел необходимым завершить разговор. – Ладно! Как ты правильно заметила, на данном этапе работа с агентами – первое, что следует сделать... Своих будешь задействовать?

– Пока нет, подожду результатов Гнедича, – помотала головой Перова.

– Как только наступит ясность – жду у себя... Все, Светочка, свободна.

Перова поднялась со стула, одновременно застегивая свою папочку, но уходить не торопилась, явно не решаясь сказать шефу что-то еще... Турецкий глянул на часы: минут через двадцать должен был объявиться Слава Грязнов с Яковлевым.

– Давай, выкладывай, что тебя там еще мучает, – усмехнулся он.

– Александр Борисович, – Перова подняла на Турецкого умоляющие глаза, – можно, я вас попрошу?... Пожалуйста... не отрывайте голову Вячеславу Ивановичу, не подводите Олега, очень прошу...

– Это ты насчет «крота», что ли?... О господи!.. Ты, собственно говоря, за кого своего любимого шефа принимаешь? Конечно, я ничего ему не скажу!

– Сан Борисыч, вы – ангел!..

И не успел Турецкий возразить или согласиться с присвоением ему неожиданного чина, как следователь Перова выпорхнула из его кабинета.

К особняку Мазды, расположенному на отшибе небольшого элитного поселка в пятнадцати километрах от столицы, Олег подъехал точно в условленное время: ранние осенние сумерки только что сгустились окончательно, превратив вечер в ночь.

Из-за высокого кирпичного забора виднелся только третий, верхний этаж дома, большинство окон которого были ярко освещены. Но даже сюда, за глухие металлические ворота, доносился, правда, еле слышный гул вечеринки, затеянной хозяином в честь открытия еще одного филиала легальной части его фирмы. Основная же ее часть, подобно основанию айсберга, находилась «под водой», и признать укрытую от посторонних взоров деятельность легальной было затруднительно... Мазда, он же Борис Иосифович Климин, являлся известным сразу в двух столицах бандитским авторитетом, прославившимся своим почти легендарным везением, за которым, по всеобщему признанию, стоял адский ум и дьявольская интуиция...

Мазда, получивший свою кличку за пристрастие к соответствующей одноименной иномарке, отличался также непредсказуемым нравом и почти садистской жестокостью, о которой даже в криминальном мире ходили легенды.

Прежде чем выбраться из своего «жигуленка», Гнедич еще раз глянул в зеркальце заднего вида и удовлетворенно кивнул: рыжий парик вкупе с того же оттенка бородой и усами изменили его внешность до неузнаваемости.

Заперев машину, он подошел к узким дверям, врезанным непосредственно в металлические ворота, нажал почти незаметную кнопку и спокойно посмотрел прямехонько в тут же ожившую и нацелившуюся на него видеокамеру, установленную над воротами.

Спустя несколько секунд сверху же послышалось вначале потрескивание микрофона, а затем недовольный голос охранника:

– Чего надо?

– Открывай. Рудый²... Сам, что ли, не видишь?!.

Над воротами наконец вспыхнул свет, и почти сразу дверь открылась:

– Так бы и говорил сразу, что Рудый... – Заспанный детина в черной рубаше и таких же штанах (Мазда терпеть не мог камуфляжа) сердито поглядел на ночного гостя. – Тарахтелку свою загонять будешь или как?

– Нэ трэба! – буркнул Гнедич с прекрасным хохлацким «прононсом» и, не глядя больше на охранника, молча отодвинул его плечом и зашагал к особняку через огромный, абсолютно пустой мощеный двор. Помимо дома на территории, обнесенной забором, находилось всего два строения: гараж и в дальнем углу двора, больше напоминавшего площадь, приткнувшийся рядом с ним флигель из кирпича, в котором жили охранники.

² Рудый – «красный, рыжий» (укр.).

Тот, который открывал Гнедичу, недовольно посмотрел вслед ночному гостю, захлопнул двери и вернулся в свою будку. Рудого он, как и остальные его коллеги, не любил и презирал, но побаивался: в окружении Мазды никто не сомневался, что этот тип – один из придворных киллеров хозяина, услугами которого тот, правда, пользовался довольно редко... Впрочем, с кем именно встречается по заданию Мазды Рудый в особняке, толком никто не знал, да и не было никому до этого дела...

Между тем Гнедич вошел в холл особняка и в ожидании, пока второй страж, на этот раз далеко не сонный, дозвонится кому следует по внутреннему телефону, несколько раз прошелся по роскошному помещению. За то время, что он здесь не был, интерьер холла сменили, и теперь Олег с немалым любопытством, которое старался явно не демонстрировать, разглядывал антикварные резные кресла и выполненный в том же стиле новенький бар с выставленной на всеобщее обозрение коллекцией лучших французских вин.

Оценить коллекцию ему помешал раздавшийся со стороны лестницы вежливый тенор:
– Добрый вечер...

Слегка вздрогнув, Гнедич развернулся на сто восемьдесят градусов и уперся взглядом в высокого, изящного брюнета в смокинге, со слащавым лицом и прилизанной шевелюрой, лоснившейся в свете висевшей над лестничной площадкой люстры.

Брюнет приветливо улыбнулся и слегка повел головой, приглашая гостя следовать за ним, что Олег и сделал, решив, что здороваться с этим типом вовсе не обязательно. И молча поднялся за ним на второй этаж особняка – прекрасно знакомой дорогой: из маленького холла – направо по коридору, отделанному красным деревом и увешанному образцами абстрактной живописи, затем – вторая от конца дверь справа, которую перед ним открыл тоже не проронивший больше ни слова брюнет...

Войдя в комнату и оставшись в ней в одиночестве, Гнедич быстро огляделся: здесь с прошлого его визита, примерно полугодовой давности, ничего не изменилось. Тот же тяжелый, словно памятник, письменный стол на двух тумбах, огромные кресла в чехлах из суровой ткани в количестве трех штук, по стенам – сплошные книжные полки... Как раз в тот момент, когда Олег пытался припомнить, не поменялись ли на одной из них старинные, но отреставрированные фолианты, одна из секций, примыкавшая к темному, давно не топленному камину, дрогнула и подалась назад, явив взору узкий темный пролет. И почти сразу в его проеме возникла крупная мужская фигура, тоже в смокинге, но сидевшем на своем хозяине далеко не так естественно, как на прилизанном брюнете...

Гнедич невольно улыбнулся в тот момент, когда мужчина шагнул в кабинет, а секция с книгами возвратилась на место. Вошедшему было на вид явно за сорок, если не весь полтинник. Красавцем его назвать не решился бы никто: крупное мясистое лицо с толстым носом, квадратным подбородком и небольшими, пронизательными, глубоко посаженными глазками; абсолютно лысая яйцевидная голова...

Мужчина молча прошествовал к стоявшей в углу на тумбочке даже на вид тяжелой то ли китайской, то ли виртуозно сработанной под китайскую статуэтке, изображавшей какого-то пузатого божка, и повернул металлического идола вокруг оси... Лишь после этого он, наконец, повернулся сам к гостю и внимательно окинул его цепким взглядом с ног до головы:

– Привет, Рудый... – У мужчины был густой, рокочущий бас.

Олег улыбнулся и облегченно кивнул.

– Ну, здравствуй, Мазда, – произнес Гнедич и, не дожидаясь, пока тот займет свое обычное место за столом, опустился в одно из кресел у камина, почти ласково глядя на хозяина этого дома, на фантастического человека, каковым тот являлся не только в глазах тех немногих людей, которые знали подлинного Бориса Иосифовича Климкина, но каким он был и на самом деле... Десять без малого лет в личине Мазды, десять лет непрерывно поступающей от него поистине бесценной информации...

Хозяин дома между тем расположил, наконец, за столом свое крупное тело и устался на Гнедича – не сказать, чтобы слишком доброжелательно.

– Что случилось? – коротко поинтересовался он.

Вопрос был вполне оправдан: в особняк Гнедич напрашивался, да еще и в срочном порядке, в особых, можно сказать, крайних случаях и исключительно по распоряжению начальства... Судя по взгляду Мазды, Борис Иосифович уже знал, что на данный момент никакого распоряжения «сверху» не было, и этот визит – личная инициатива Олега...

На мгновение Гнедичу сделалось не по себе при мысли о том, чем может для него обернуться подобный шаг, но он тут же отогнал от себя неприятные ощущения.

– Нужна информация, – коротко произнес он. – Необходимо выяснить местопребывание Вени-Моряка, он же Погарцев...

– Знаю, наслышан... – прервал его Мазда и, неожиданно усмехнувшись, почти весело глянул на Олега. – Говорят, ты к Генпрокуратуре сейчас прикомандирован? К Сан Борисычу непосредственно?

Здесь, в кабинете, говорить они могли вполне свободно не только благодаря звуконепропускаемым стенам. Олег знал, что поворотом то ли китайского, то ли индийского божка включается еще и какая-то хитрая электроника, сбивающая с волны даже самые совершенные прослушивающие устройства...

– Ну... – Гнедич смущенно кивнул.

– Значит, для Турецкого стараешься? – Мазда покачал головой. – Ладно, попробую кое-что выяснить... А сейчас – извини, гостюшки ждут!

И Борис Иосифович начал медленно, с некоторым трудом выбираться из-за стола.

– Как думаешь, когда?... – Гнедич тоже поднялся.

– Дня через два проверишь по обычному каналу... Пока, Рудый!

Олег вновь остался один, но ненадолго. Минуты через три после того как хозяин исчез тем же путем, каким появился, дверь кабинета открылась и на пороге возник брюнет.

Еще через десять минут Гнедич, покинув особняк, усаживался в свой «жигуленок». Но только на въезде в столицу, несколько раз перепроверившись и твердо убедившись в том, что за ним нет никакого «хвоста», оперуполномоченный облегченно содрал с головы рыжий парик, бороду и усы, и свернул с трассы на боковую окраинную улицу, намереваясь добраться до своего дома кратчайшей дорогой. Время близилось к полуночи, и после долгого рабочего дня спать ему хотелось просто адски!..

6

– Странно... – Александр Борисович посмотрел на часы, затем на своего друга Славу Грязнова. – Обычно Яковлев никогда не опаздывает, точен, как кремлевские куранты...

Вячеслав Иванович еле заметно усмехнулся и покачал головой:

– А он и не опаздывает... Володи сегодня не будет, Сань. Извини, посоветоваться с тобой времени не было, вот и пришлось решать самому...

– Он что – на задании? – Турецкий приподнял правую бровь, что означало легкое недо-вольство.

Грязнов в ответ кивнул, вздохнул и, наконец, выложил на стол Александра Борисовича две толстенных папки.

– Зная тебя, не сомневаюсь, что со свойственным тебе занудством выучишь наизусть каж-дый листочек! Что касается меня, дела€ я, конечно, просмотрел, в особенности в той части, которая касается непосредственно интересующего нас Костина, возглавлявшего эту шайку... Утром еще успел поговорить кое с кем из нашей собственной безопасности. В общем, там тоже складывается впечатление, что над Алексеем-свет-Иванычем кто-то из вполне серьезных чинов шефствует, сознательно затягивая время его пребывания в Сербского...

– Чуть-чуть подробнее не желаешь изложить? – поинтересовался, вздохнув, Александр Борисович. – Не забывай, Слава, этого дела я практически не знаю...

Грязнов сосредоточенно нахмурился.

– В общем-то, дело, к сожалению, не слишком оригинальное... В своем отделении мили-ции Костин, помимо прочих обязанностей, командовал участковыми еще до того, как совер-шил карьерный скачок и был переведен в УВД. Вот из них, старых знакомцев, он и сколотил свою шайку... Участковые поставляли ему информацию об одиноких людях, проживавших на их территориях в отдельных квартирах стариках, инвалидах... Затем начиналась обработка: сам знаешь, старшее поколение людям в форме доверяет куда больше, чем молодежь. А тут, к тому же, участковый заботу проявляет, – ассоциации со знаменитым Анискиным. Словом, если квартира была не приватизирована, после недолгих уговоров осуществлялась «по блату», в самые краткие сроки и без очереди приватизация. Дальнейшее – дело техники...

– Завещания? – уточнил Турецкий.

– В большинстве случаев поддельные полностью, а не только подписи... И во всех дока-занных в процессе следствия эпизодах – подлинные генеральные доверенности жертв, сделан-ные на своих «благодетелей»... Один из членов шайки, тот, что получил по минимуму, офи-циально практикующий нотариус... К инвалидам и совсем уж древним старичкам выезжал на дом.

– Дальнейшее я могу предсказать, – предложил Александр Борисович. – Как только доку-менты были оформлены, жертв вывозили куда-нибудь за город и убивали...

– Причем, Саня, что самое отвратительное, убивали жестоко – душили... Из всех постра-давших удалось обнаружить и эксгумировать три тела, и у женщин, и у мужчины сломаны шей-ные позвонки... Мало того, члены шайки независимо друг от друга в один голос в процессе следствия утверждали, что разделялся с жертвами сам Костин лично... всегда!

– Поэтому и назначили психологическую экспертизу?

– Не только... На допросах он вел себя неадекватно – то ли разыгрывал психа, то ли и впрямь...

– Что говорят доктора?

– Доктора, как ты понимаешь, к единому мнению так и не пришли на данный момент. Дело Костина было выделено в отдельное производство, – Вячеслав Иванович кивнул на вто-рую из принесенных им папок, – и, как ты понимаешь, не закрыто до сих пор... Я сегодня

утром, еще до их летучки, довольно долго говорил с одним из членов комиссии. Вроде бы неплохой мужик, сам сказал, что у него такое впечатление, будто на его коллег кто-то давит...

– Что за доктор?

– Некто Кашкин, доцент... Сам он считает, что клиент скорее жив, чем мертв, то бишь абсолютно здоров, но не обделен матушкой-природой даром артистизма... В общем, через него я и пристроил Яковлева в нужное место на пару денечков...

– И кем, позволь полюбопытствовать? – Турецкий отодвинул от себя раскрытую папку с делом Костина и спустил на кончик носа очки.

– Ну... кем-то вроде уборщицы...

– ?!.

– Да санитаром, санитаром!.. – поспешно произнес Грязнов и отвел глаза, а Турецкий не выдержал и расхохотался:

– Бедный Владимир Владимирович! Там ведь, поди, и утки за больными придется таскать?!

– Спят? – Вячеслав Иванович сердито уставился на друга. – Какие еще утки?! Ты, как я посмотрю, совсем от жизни отстал! К твоему сведению, Костин прохлаждается в отдельной палате, при которой имеются все удобства! Включая телефончик и телевизор... Мобильные там под запретом, телефон внутренний, но... этот доцент как-то именно с мобильным нашего клиента и застукал, пару месяцев назад.

– Забрали?

– Конечно! Но кто сказал, что ему за это время не доставили еще один?..

– Никто, – вздохнул Турецкий. И, помолчав, продолжил: – Что ж, коли так, подождем вестей от Яковлева, думаю, если там дело нечисто, он ничего не упустит... Прослушку в палате наверняка уже приспособил! Надеюсь, ты его снабдил всем необходимым?

– Мог бы и не спрашивать! Я еще вчера вечером Дениске позвонил, у них в агентстве эти штучки всегда самые новомодные и в большом количестве имеются... Ну, он мне и завез...

– Как там наш Денис Андреевич поживает?

– Как всегда, гораздо лучше, чем мы с тобой, – буркнул Вячеслав Иванович.

Денис Грязнов – родной племянник Вячеслава Ивановича – возглавлял известное как в столице, так и за ее пределами частное охранное предприятие «Глория», занимавшееся не столько охраной обращающихся туда клиентов, сколько расследованием ситуаций, из-за которых эта охрана понадобилась.

Когда-то «Глория» была создана не кем иным, как Вячеславом Ивановичем, собравшим под ее крышей надежных ребят, за плечами которых остались Афган, Чечня...

То был тяжелый период в жизни Грязнова-старшего, после серьезного конфликта с начальством покинувшего, как он тогда считал, навсегда органы... Но дальше произошло то, что и предсказал сразу его друг Александр Борисович: старый служака без службы, занимаясь исключительно частным сыском, просто-напросто жить не смог... И разумеется, вернулся «в ряды», передав «Глорию» племяннику – Грязнову-младшему.

Турецкий машинально пролистал несколько страниц лежавшей перед ним папки и усмехнулся:

– Старый ты ворчун, Славка... Когда перестанешь делать вид, что завидуешь Денису и якобы сожалеешь о своем возвращении? Ни о чем ты не жалеешь, и другой жизни себе, как это доказано практикой, не представляешь и не желаешь!

– Ладно-ладно, уж и поскрипеть нельзя...

В этот момент в дверь кабинета постучали и одновременно ожил селектор на столе Турецкого:

– Александр Борисович, это Померанцев рвется, говорит, вызван...

Валерий между тем уже успел распахнуть дверь и перетупить порог, за его спиной маячило смущенное, раскрасневшееся личико Гали Романовой.

– Вижу, – коротко ответил Александр Борисович секретарше и, бросив быстрый взгляд на часы, поинтересовался уже у своего торопыги-подчиненного: – Если не ошибаюсь, до назначенного тебе времени еще почти полчаса...

– Что – нельзя?.. – Валерий нерешительно замер на пороге.

– Ладно, входи... Судя по твоей физиономии, ты не с пустыми руками?

– Точно!.. Здравия желаю, товарищ Грязнов!..

– Привет, – буркнул Вячеслав Иванович, не одобрявший, как он считал, некоторого панибратства в отношениях Сани с подчиненными.

– Здравствуйте, – тоненько пискнула Галочка, просачиваясь вслед за Валерием в кабинет.

– Здрасьте-здрасьте, – ухмыльнулся Александр Борисович, кивая на так и не убранные почему-то после общего совещания стулья, сдвинутые только в дальний угол кабинета. – Берите, присаживайтесь.

Уж чего точно нельзя было отнять у Валерия Померанцева, так это умения ясно, четко и быстро излагать необходимую информацию в самом сжатом виде.

Чтобы доложить о своих размышлениях и последовавших за ними действиях, ему понадобилось не больше пяти минут, после чего инициатива перешла к Галочке.

– Ну, в «Золотом орле» все было довольно просто, – начала она. – У них там, как и положено, есть специальная книга, в которую записываются все заказы. Поскольку и дата, и номера столиков были известны, почти сразу и выяснилось, что столик для болгар заказывала Лидия Константиновна Юркова, за два дня до того вечера, когда их пристрелили. А Башкир свой столик и вовсе за четыре дня заказал... Его там, как я поняла, хорошо знают, постоянный клиент...

– Теперь ясно, для чего вам машина понадобилась, – вставил Грязнов-старший.

– А-а-а, вы в курсе... – подал реплику Валерий. – Вообще-то Сашка, который мне помог, мой знакомый, совсем в другом департаменте трудится...

– Как видишь, узнать, что вам с Галей срочно понадобились «колеса», мне это не помешало, – покосился Вячеслав Иванович на Валерия. – К слову сказать, за сей факт твой Сашка уже успел схлопотать по шапке... Ну ладно. Насколько мы поняли, за девицей вы организовали «наружку»... И что она вам дала?

Снова заговорила Романова:

– Если коротко, тип, которого Юркова называет «Бобом», судя по всему, не кто иной, как адвокат Башкира Шахмин... Его Борисом Николаевичем зовут...

– А если не коротко? – попросил Турецкий.

– Ну... В общем, к институту я успела как раз к концу занятий, Юркова, правда, уже вышла и даже сидела в своей «мицубиси», но еще не отъехала, по мобильному с кем-то говорила... Минут пять, наверное, и, по-моему, ссорилась со своим собеседником. Стекла у нее не тонированные, все было отлично видно.

– Почему ты решила, что она ссорилась?

– По лицу – видно ведь, когда человек злится... А в конце, когда связь отключила, швырнула телефон на соседнее сидение, тоже со злостью. И почти сразу рванула с места... Я – за ней... А в итоге мы прибыли не куда-нибудь, а к конторе этого Шахмина!

– По адресу определилась? – поинтересовался Турецкий.

Галя помотала головой и продолжила:

– Нет, вначале я и понятия не имела, что это за контора такая, потом вижу – Юркова снова звонит по мобильному, на сей раз всего пару слов сказала и отключилась... И почти сразу же из двери конторы пулей вылетел этот Шахмин, тоже злощий! Подлетел к машине,

распахнул пассажирскую дверцу и, не здороваясь, рывкнул: «Какого черта!..» А дальше я не слышала, поскольку он сел в машину и захлопнул дверцу.

– Почему решила, что это Шахмин? В деле его фотографии, насколько знаю, нет, – подал голос Александр Борисович.

– После того как они выяснили отношения и вроде бы помирились, как мне показалось, я за Юрковой не поехала, а пошла в контору, сделав вид, что мне нужен адвокат... Конечно, я вначале с Валерой связалась, это он велел...

Померанцев молча кивнул.

– В общем, на одном из кабинетов там есть табличка с его именем – я, когда уходила, так якобы ничего и не решив после разговора с их секретаршей, как бы нечаянно туда заглянула... У него две тетки в очереди под дверями сидели, зашипели на меня даже... Словом, оказался он... Пока все.

– Хочу особо подчеркнуть, – добавил Валерий, – насчет ее машины. «Мицубиси» цвета «металлик»... Пацан утверждает, что видел на месте взрыва «серебристую иномарку», вряд ли это совпадение...

– И вряд ли, – продолжил Турецкий, – если ему показать машину Юрковой, он сумеет достоверно определить, та это или не та, которая поджидала Познеева... А вот физиономию Шахмина показать парню точно стоит. Как там насчет словесного портрета? Подпадает Шахмин под описание хотя бы частично?

– Да какое там описание!.. – махнул рукой Померанцев. – Сами посмотрите, он у вас под рукой должен быть... Ну разве что по росту подходит, тоже коротышка, по Галкиным словам...

– Ну что, Саня, – поинтересовался Вячеслав Иванович, – может, и правда на этой версии как основной сосредоточиться?..

– Погоди... Какие твои дальнейшие действия? – поинтересовался Турецкий у Валерия.

– Я, Сан Борисыч, хотел у вас Яковлева просить... «Наружка» нужна – во-первых, а во-вторых, необходимо выяснить, где интересующие нас персонажи, я имею в виду и Шахмина, и самого Башкира, находились в тот вечер, когда убили Познеева... Галя одна не справится, не раздвоится же ей!..

– В данный момент, – покачал головой Турецкий, – Володя занят.

– Но ведь наша версия действительно по всем признакам тянет на основную! – моментально завелся Померанцев. – Значит...

– Ничего это пока не значит! – оборвал его Грязнов-старший.

– И что тогда делать прикажете? Прервать оперативно-следственные действия до тех пор, пока они не освободятся?!.

– Успокойся, Валерий, – жестко произнес Александр Борисович. – Слишком много суеты, я бы сказал излишней...

– Не понял...

– А что тут не понять? В настоящий момент «наружка» не является мероприятием первой необходимости, куда важнее выяснить, есть ли у наших фигурантов алиби на интересующее нас время... Кстати, Юрковой это тоже касается в полной мере, за рулем машины вполне могла быть именно она... Надеюсь, ты это понимаешь?

Померанцев хмуро кивнул.

– Дело вы, надеюсь, читали внимательно. Наверняка там упоминаются в числе прочего и любимые места отдыха как этой парочки, так и Башкира...

Романова вслед за Валерием тоже кивнула.

– Словом, поле деятельности – широкое, так что с этого и начните. Все тактические приемы в данной ситуации известны даже первокурснику юрфака, так что подумай, Валерий, какие именно будете использовать вы...

– Александр Борисович, – робко произнесла Галя, – я помню, что Башкир... Иванов то есть, чаще всего оттягивается как раз в «Золотом орле», а мне туда нельзя, меня там после сегодняшнего визита сразу человека три узнают...

Турецкий хмуро глянул на Померанцева и слегка оттолкнул от себя ближайшую к нему папку с документами.

– Вот поэтому, Валерий, я и прошу вас всех, прежде чем осуществлять оперативно-следственные действия, показывать мне план следствия!..

В кабинете установилась тяжелая пауза, во время которой Померанцев слегка покраснел: вместо ожидаемой от шефа похвалы – замечание... Следователь чувствовал себя задетым за живое. Хотя и понимал, что Турецкий, как ни крути, прав.

Конечно же в «Золотой орел» естественнее всего было прийти вечером, вдвоем, в качестве обыкновенных посетителей: если действовать официально, расспрашивая обслугу, куда меньше шансов узнать правду... Он ни секунды не сомневался в том, что богатых, к тому же еще и постоянных клиентов в ресторане типа «Золотого орла» всегда прикроют. А самого клиента предупредят, что им интересуются органы. И не какие-нибудь, а Генпрокуратура...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.